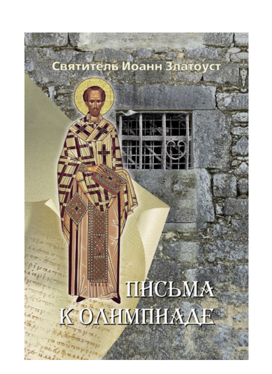

Святитель Иоанн Златоуст
ПИСЬМА
К ОЛИМПИАДЕ

Иоанн Златоуст

Письма к Олимпиаде

Издательский текстhttp://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638165
Письма к Олимпиаде: Сибирская Благозвонница; М.; 2011
ISBN 978-5-91362-325-6

Аннотация

Олимпиада была духовным чадом святителя Иоанна Златоуста. Гонение на Златоуста принесло ей тяжелое испытание, во время которого святитель утешал ее письмами о терпении скорбей. Его наставления помогли диаконисе мужественно перенести неправый суд и мученические застенки.

Содержание

Святитель Иоанн Златоуст
Письма к Олимпиаде

Святитель
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

«Семнадцать писем, адресованных к Олимпиаде, представляют собой самые длинные, прекрасные и полезные из всех писем святителя», – говорит Фотий. Олимпиада была дочерью князя Анисия. Ее отец отдал ее замуж за префекта Небридия (вероятно, в 384 году). Святитель Григорий Назианзин, приглашенный на брак, извинился, что не может на нем присутствовать, и обратился к молодой супруге с похвальным словом. Олимпиада была замужем только один год и восемь месяцев. Овдовев в столь юном возрасте, она решила остаться вдовой, и ничто не могло поколебать этого ее решения. Напрасно император Феодосии прибегал к просьбам и угрозам, чтобы заставить ее выйти замуж за своего родственника испанца Елпидия. Отказ ее разгневал императора, который прежде чем отправиться в поход против Максима, приказал префекту города наложить секвестр[1] на все ее имения, пока она не достигнет тридцатилетнего возраста. Олимпиада отнеслась к этому возмутительному действию с таким мужеством, что казалась даже счастливее при виде ограбления своего имущества. Между тем Феодосии, поняв, что ничем нельзя было побороть этого противодействия, велел возвратить ей имения. С этого времени дом ее сделался открытым для епископов, монахов, священников и других духовных лиц, приходивших в Константинополь. Епископ Нектарий назначил ее диаконисой, и в этом достоинстве она и закончила свою жизнь[2].

Письма к Олимпиаде с достаточностью свидетельствуют о том, как она была любезна святителю Златоусту. После изгнания святителя ее влачили по судам, обвиняли вместе с другими приверженцами святителя в поджоге храма святой Софии. Несмотря на основательность ответов Олимпиады, ее приговорили к большому штрафу, затем она оставила Константинополь, чтобы удалиться в Кизик, где и отошла в лучшую жизнь. Святой Григорий Назианзин, Палладий, Созомен, Аммиан и другие жизнеописатели сообщают многочисленные подробности об этой добродетельной женщине.

Госпоже моей
достопочтеннейшей и боголюбезнейшей
диаконисе Олимпиаде, епископ Иоанн,
о Господе радоваться

---

[1] Секвестр – запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом.

[2] Память диаконисы Олимпиады Церковь празднует 25 июля.

Письмо первое

1. Утешение в скорби. Нужно бояться только греха. 2. Бедствия приготовляют нам великую награду, почему Бог и попускает на нас страдания. – Пример трех отроков в пещи вавилонской. – 3–4. Во все времена Господь попускал соблазн и гонения, чтобы лучше проявить Свое могущество и Свою мудрость. – 5. Заключение: Олимпиада должна изгнать из своей души скорбь, которую причиняют ей настоящие смятения.

1. Хочу излечить рану твоего уныния и рассеять мысли, собирающие это облако скорби. Что, в самом деле, смущает твой дух, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она в безлунную ночь, день ото дня все более усиливается, причиняя тяжкие кораблекрушения? Потому, что растет гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будет прекословить этому. Если желаешь, я изображу даже тебе и картину того, что теперь происходит, чтобы сделать для тебя более ясными настоящие печальные события.

Мы видим, что море бурно вздымается от самого дна; одни корабельщики плавают по поверхности вод мертвые, другие ушли на дно; корабельные доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла повыпадали из рук гребцов, кормчие сидят вместо рулей на палубах, обнимают руками колена и только рыдают, громко кричат, плачут и сетуют о своем безысходном положении; они не видят ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, беспросветную и мрачную тьму, что она не дозволяет им замечать даже и находящихся вблизи; слышится шумное рокотание волн, и морские животные отовсюду устремляются на пловцов.

Но до каких пор, впрочем, гнаться нам за недостижимым? Какое бы подобие ни нашел я для настоящих бедствий, слово слабеет пред ними и умолкает. Впрочем, хотя я и вижу все это, я все-таки не отчаиваюсь в надежде на лучшие обстоятельства, памятуя о Том Кормчем, Который не искусством одерживает верх над бурей, но одним мановением прекращает волнение моря. Если же Он делает это не с самого начала и не тотчас, то потому, что таков у Него обычай: не прекращать опасностей вначале, а тогда уже, когда они усилятся и дойдут до последних пределов, и когда большинство потеряет уже всякую надежду; тогда-то Он, наконец, совершает чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и приучая к терпению подвергающихся опасностям. Итак, не падай духом.

Ведь одно только, Олимпиада, страшно, одно искушение, – именно только грех, – и я не перестаю до сих пор напоминать тебе это слово, все же остальное – басня, – укажешь ли ты на козни или ненависть, или коварство, на ложные доносы или бранные речи и обвинения, на лишение имуществ или изгнания, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей вселенной. Каково бы все это ни было, оно и временно и скоропреходяще, и имеет отношение к смертному телу и нисколько не вредит трезвой душе.

Поэтому и блаженный Павел, желая показать ничтожество радостей и печалей, приключающихся в настоящей жизни, разъяснил все одним изречением: *видимое временно* (2 Кор. 4, 18). Итак, зачем тебе бояться временного, протекающего подобно речным потокам? – потому что таково настоящее; – все равно, будет ли оно радостно или печально.

Другой же пророк все человеческое счастье сравнил не с травой даже, а с другим, более ничтожным веществом, назвав все вместе цветом травы, и счел этим цветом не часть только счастья, например, только богатство, или только роскошь, или обладание властью, или почести; но все, что у людей считается славным, обняв одним именем «славы», уподобил затем

траве, сказав: *всяка слава человека, яко цвет травный/всякая плоть – трава, и все красота ее как цвет полевой* (Ис. 40, 6).

2. Однако ужасно и тяжело, скажешь, несчастье. Но смотри, как и оно, в свою очередь, приравнивается пророком к другому образу, и относись с презрением и к нему. Именно, уподобляя бранные речи, оскорбления, укоризны, насмешки со стороны врагов и злые замыслы – изветшавшей одежде и изъеденной молью шерсти, пророк говорил: *«Не бойтесь поношения от людей, и злословия их не страшитесь, потому что состарятся как риза, и будут изъедены, как шерсть молью* (Ис. 51, 7–8)».

Итак, пусть не смущает тебя ничто из того, что происходит. Перестань звать на помощь то того, то другого, и гнаться за тенями, – а такова человеческая помощь, – но призывай непрестанно Иисуса, Которому ты служишь, чтобы Он только благоизволил – и все бедствия прекратятся в один миг. Если же ты призывала, а бедствие не устранено, то таков у Бога обычай: не сначала, – я повторю то, что сказал выше, – удаляет бедствия, но когда они достигнут наибольшей высоты, когда усилятся, когда враждующие изольют почти всю свою злость, – тогда, наконец, все сразу изменяет в состояние тишины и производит неожиданные перемены. Он может произвести не только те блага, каких мы ожидаем и надеемся получить, но и гораздо большие и бесконечно ценнейшие. Поэтому и Павел говорил: *«Тому, Кто… может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем»* (Еф. 3, 20).

Разве Он не мог, в самом деле, сначала же не допустить трем отрокам подвергнуться искушению (Дан. 3)? Мог, но не пожелал, чтобы доставить им через это большую выгоду. С этой целью Он допустил и то, чтобы они были преданы в руки иноплеменников, и чтобы печь была разожжена до несказанной степени, и чтобы гнев царский пылал сильнее печи, и чтобы крепко связаны были их руки и ноги, и чтобы, наконец, ввергнуты они были в огонь; и когда все, созерцавшие это, отчаялись в их спасении, – тогда-то нежданно и вопреки всякой надежде проявилось чудное дело превосходнейшего Художника – Бога, и просияло с превосходною силою. Именно – огонь связывался, а узники разрешались; печь сделалась храмом молитвы, источником и росою, и стала почетнее царских дворцов, и над огнем, этой всепожирающей силой, которая преодолевает и железо, и камни, и побеждает всякое вещество, одержала верх природа волос. И здесь слышен был согласный хор святых, призывавших всю тварь, и небесную и земную, к дивному песнопению: они пели, воссылая благодарственные гимны за то, что были связаны, за то, что, насколько это зависело от врагов, были сжигаемы, за то, что были изгнаны из отечества, за то, что стали пленниками, за то, что были лишены свободы, за то, что сделались не имеющими родины, бесприютными и переселенцами, за то, что жили в чужой и иноплеменной земле, – таково свойство благодарной души.

И вот, когда и злодеяния врагов окончились, – что еще могли бы они предпринять после смерти? – и добродетель борцов проявилась во всей своей полноте, когда сплетен был для них венец, собраны были награды, и ничего уже не осталось больше для их прославления, тогда-то именно бедствия и устраняются, и тот, кто возжег печь и предал отроков столь великой муке, начинает дивно прославлять этих святых борцов и делается вестником необычайного чуда Божия: посылает во все стороны вселенной письма, полные благохваления, повествуя в них о случившемся, и делается таким образом достоверным вестником чудес дивнотворца Бога, потому что если он сам прежде был врагом и неприятелем, то писанное им не возбуждало уже к себе подозрения и у врагов.

3. Видишь искусство Бога? Видишь Его мудрость? Видишь, что Он совершает не то, что согласно с обычными мнениями и ожиданиями? Видишь его человеколюбие и попечительность? Поэтому не смущайся и не тревожься, но пребывай постоянно, благодаря Бога за все, славословь его, призывай, проси, умоляй, и хотя бы наступили бесчисленные смятения и волнения, или происходили пред глазами твоими бури, пусть ничто это не смущает тебя.

Господь ведь у нас не сообразуется с затруднительностью обстоятельств, даже если все впадает в состояние крайней гибели, так как Ему возможно поднять упавших, вывести на дорогу заблудших, исправить поддавшихся соблазну, исполненных бесчисленных грехов освободить от них и сделать праведными, оживотворить лишенных жизни, восстановить еще с большим блеском то, что разрушено до основания и обветшало. В самом деле, если Он делает так, что рождается то, чего не было, и дарует бытие тому, что нигде вовсе не проявлялось, то гораздо скорее Он исправит существующее уже и происшедшее.

Но, скажешь, много погибающих, много соблазняющихся? Много и подобного часто уже случалось; но впоследствии все однако получало соответствующее исправление, исключая тех, кто упорно пребывал в неисцелимой болезни и после перемены обстоятельств. Зачем ты смущаешься и грустишь, если тот изгнан, а тот, напротив, возвращен? Христа распинали и требовали освобождения разбойника Вараввы, развращенный народ кричал, что лучше должен быть спасен человекоубийца, чем Спаситель и Благодетель. Скольких людей, ты думаешь, это тогда соблазнило? Скольких это тогда погубило?

Но лучше следует повести речь с более ранних событий. Этот Распятый не тотчас ли по Своем рождении сделался переселенцем и беглецом, и со всем Своим домом, находясь еще в колыбели, переселялся в чужую землю, отводимый в страну иноплеменников, отделенную от Его родины столь большим пространством пути? И вот по этой причине явились потоки крови, беззаконные убийства и заклания; все только что явившееся на свет поколение убивалось, как бы в бою на войне; дети, отрываемые от сосцов, предавались закланию, когда еще было молоко в гортани, вонзался в нее меч через горло и шею. Что тяжелее этого печального события? И это делал искавший убить Христа; и долготерпеливый Бог терпел, когда дерзко измышлялось такое ужасное злодеяние, когда лилось столько крови – терпел, хотя мог бы воспрепятствовать, показывая столь великое долготерпение вследствие тайных и мудрых Своих планов. Когда затем Христос возвратился из страны иноплеменников и вырос, против Него начала возбуждаться вражда отовсюду. Сначала недоброжелательствовали и завидовали ученики Иоанна, хотя сам Иоанн относился с почтением к делу Его, и говорили, что *Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит и все идут к Нему* (Ин. 3, 26); это были слова людей, находившихся в состоянии раздражения, одержимых завистью и изнуряемых этой болезнью. Потому-то один из учеников, сказавших эти слова, даже спорил с неким иудеем и состязался об очищении, крещение сравнивая с Крещением, крещение Иоанново – с Крещением учеников Христа. *Тогда,* – говорится, – *у Иоанновых учеников произошел спор* с неким иудеем *об очищении* (Ин. 3, 25).

Когда опять Христос начал творить знамения, сколько было злословия? Одни называли Его самарянином и беснующимся, говоря, что *Ты самарянин и бес в Тебе* (Ин. 8, 48), другие – обманщиком, говоря: *нет, Он не от Бога, но обольщает народ* (Ин. 7, 12), иные – волшебником, говоря, что *изгоняет бесов силою князя бесовского* Вельзевула (Мф. 9, 34), и это повторяли постоянно.

Называли врагом Богу и любящим есть и служить чреву, любящим пить вино и другом людей порочных и развращенных: *Пришел,* – говорится, – *Сын Человеческий: ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам* (Лк. 7, 34). Когда же беседовал с блудницей, называли Его лжепророком: *Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина* говорит с Ним (Лк. 7, 39); и ежедневно изощряли зубы против Него. И не иудеи только так враждовали против Него, но и те сами, которые, казалось, были братьями Его, не относились к Нему искренне, и из среды домашних была возбуждаема против него вражда. Как растленны были и они, это усматривай из слов, которые сказал евангелист: *Ибо и братья Его не веровали в Него* (Ин. 7, 5).

4. Если затем ты вспоминаешь, что многие соблазняются и вводятся в заблуждение теперь, то спрошу тебя: сколько, думаешь ты, из учеников Его соблазнилось во время Кре-

ста? Один предал, другие убежали, третий отрекся, и когда все отстали, – был ведом только Один связанный. Сколько, ты думаешь, соблазнилось в то время из тех, которые недавно зрели Его творящим знамения, воскрешающим мертвых, очищающим прокаженных, изгоняющим бесов, источающим хлебы и совершающим другие чудеса, (соблазнились при виде того), как Его только вели связанным, когда Его окружали ничтожные воины и священники иудейские следовали за Ним, производя шум и смятение, при виде того, что все враги только, захватив Его, держали в своей среде, и что предатель присутствует при этом и торжествует?

А что, когда Его бичевали? И, вероятно, при этом присутствовало бесчисленное множество людей, потому что был славный праздник, который собирал всех, а городом, приявшим это зрелище беззакония, была столица, и происходило это в самый полдень. Итак, сколько людей, ты думаешь, присутствовало тогда и соблазнялось, видя, как Он был связан, подвергнут бичеванию, обливался кровью, испытывался судилищем игемона, и при этом не было никого из Его учеников?

А что, когда совершались над ним разнообразные издевательства, следовавшие непрерывно одно за другим, когда то увенчивали Его тернием, то облекали в хламиду, то давали в руки трость, то, падая, поклонялись Ему, проявляя все виды издевательства и осмеяния? Сколько людей, ты думаешь, соблазнялось, сколько приходило в смущение, сколько приводилось в замешательство, когда били Его по ланите и говорили: *Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?* (Мф. 26, 68). Когда водили Его туда и сюда, истратили весь день на остроты и ругательства, на издевательство и осмеяние, и это – в середине иудейского зрелища?

А что, когда раб архиерея ударил Его? А что, когда воины разделяли Его одежды? А когда Он, обнаженный, был вознесен на Крест со следами бичей на спине и был распинаем? Ведь даже и тогда эти дикие звери не смягчались, но делались еще более бешеными, и злодеяния усугублялись, и издевательства усиливались. Одни говорили: *Разрушающий храм и в три дня Созидающий* (Мф. 27,40). Другие говорили: *Других спасал, а Себя Самого не может спасти* (Мф. 27,42)? Иные говорили: *Если Ты Сын Божий, сойди с Креста, и уверуем в Тебя* (Мф. 27, 40, 42).

А что, когда напитав губку желчью и уксусом, оскорбляли Его? А что, когда разбойники поносили Его? А что (о чем я и прежде говорил: о том страшном и беззаконнейшем деле), когда говорили, что более достойно требовать освобождения не Его, а того разбойника, вора и виновника бесчисленных убийств, и, получив от судьи право выбора, предпочли Варавву, желая не только распять Христа, но и запятнать Его дурной славой?

Думали, что отсюда можно сделать вывод, что Он был хуже разбойника и так беззаконен, что Его не могли спасти ни человеколюбие, ни достоинство праздника. Ведь все они делали ради того, чтобы переменить мнение о Нем в худую сторону, потому-то и распяли вместе с Ним и двух разбойников. Но истина не осталась скрытой, а просияла даже сильнее.

И в присвоении царской власти обвиняли Его, говоря: *Всякий, делающий себя царем, не друг кесарю* (Ин. 19, 12), – на Того, Кто не имел, где преклонить главу, возводя обвинение в желании царской власти. И в богохульстве давали Ему ложное обвинение: первосвященник разодрал свои одежды, говоря: *Он богохульствует! на что еще нам свидетелей?* (Мф. 26, 65).

А смерть какова? Разве не насильственная? Разве не смерть осужденных? Не смерть проклятых? Разве не самая постыдная? Разве не смерть самых последних беззаконников, недостойных даже испустить и дыхание на земле? А устройство погребения не совершается ли в качестве милости? Некто, придя, испрашивал себе Его тело. Таким образом, даже и погребающий Его не был из числа близких, облагодетельствованных Им, из числа учеников, насладившихся столь полной близостью к Нему и вкусивших спасения, так как все они сделались беглецами, все убежали.

А та худая молва, которую распустили по воскресении, сказав, что пришли ученики Его и *украли Его* (Мф. 28, 13), сколь многих соблазнила, сколь многих вела в обман? Эта молва тогда находила доверие, и хотя она была ложна и куплена за деньги, все же возымела силу в сознании некоторых после печатей, после столь великой очевидности истины. Народ же и не знал учения о воскресении. Это и неудивительно, когда и сами ученики не верили – тогда они и не знали, говорится, *что Ему надлежало воскреснуть из мертвых* (Ин. 20, 9). Итак, сколько, думаешь, соблазнилось в те дни? Но долготерпеливый Бог переносил, все устраивая по Своей неизглаголанной мудрости.

5. Потом, после трех дней, ученики опять скрываются, прячутся, становятся изгнанниками, пребывают в трепете и постоянно меняют место за местом, чтобы укрыться; и после пятидесяти дней начав показываться и творить знамения, даже и тогда не пользовались безопасностью. Но и среди более слабых происходило множество соблазнов, когда ученики были подвергаемы плетям, когда церковь была потрясаема, когда ученики изгонялись, когда враги во многих местах делались сильными и производили смятения. Так, когда благодаря знамениям ученики приобрели большее дерзновение, тогда опять смерть Стефана причинила тяжелое преследование, рассеяла всех и ввергла церковь в смятение; ученики опять в страхе, опять в бегстве, опять в тревоге. И все же дела Церкви постоянно росли, процветали через знамения, светлели вследствие (положенных в их основание) начал. Один был спущен через окно и таким образом избежал рук начальника; других вывел Ангел и таким образом освободил от уз; иных, изгоняемых теми, которые обладали могуществом, принимали и услуживали им всяким образом торговцы и ремесленники, торгующие пурпуром женщины, приготовляющие палатки и кожевники, живущие на самых окраинах городов, подле самого берега моря. А часто ученики Христовы даже не осмеливались и показываться в середине городов; если же они сами и осмеливались, то не дерзали оказывавшие им гостеприимство.

Так-то текли дела посреди искушений, посреди успокоений, и раньше соблазненные – впоследствии исправлялись, заблудшие приводились опять на путь, и разрушенное до основания устраивалось еще лучше. Поэтому когда святой Павел просил, чтобы проповедь распространялась только среди тишины, всемудрый и все прекрасно устраивающий Бог не сделал по воле ученика, не внял ему, несмотря и на частые его просьбы, но сказал: *Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9).

Если желаешь и теперь поразмыслить наряду с печальными событиями и о радостных, то увидишь много если не знамений и чудес, то, во всяком случае, похожего на знамения, и неизреченное множество доказательств великого Промышления Божия и помощи. Но чтобы ты не все услышала от нас без всякого труда, эту часть я оставляю тебе, дабы ты тщательно собрала все радостное и сопоставила с печальным, и, занявшись прекрасным делом, отклонила себя таким образом от уныния, потому что и отсюда ты получишь большое утешение. Утешь весь твой благословенный дом, передав от нас великое приветствие. Пребывай сильной и радостной, достопочтеннейшая и боголюбезнейшая моя госпожа!

Если желаешь писать мне пространно, то извести меня об этом, не обманывая меня однако, что ты оставила всякое уныние и проводишь жизнь в спокойствии. В том ведь и заключается лекарство моих писем, чтобы доставить тебе большую радость – и ты будешь получать от меня письма постоянно. Но не пиши мне опять: «Я получаю большое утешение от твоих писем», потому что это знаю и я; пиши, что получаешь такое утешение, какое я хочу, что не смущаешься, не плачешь, а проводишь жизнь в спокойствии и радости.

Письмо второе

1. Опасно предаваться унынию. – 2. Пример: апостол Павел, отлучив коринфского грешника, потом примирил его с Церковью, чтобы не дать ему впасть в отчаяние. – 3. Душу Олимпиады должна занимать мысль о муках ада или, скорее, о небесном счастье. – 4. Пусть она почерпает утешение в воспоминании своих добрых дел и в надежде на вечную награду. – 5–6. Возвышенная похвала трезвенности, терпению, скромности и другим добродетелям Олимпиады. – 7. Похвала девственности. – 8-10. Вставочное рассуждение об Иове и его бедствиях. Возвращение к предмету. – 11–13. Утешение Олимпиады, скорбевшей об отсутствии святителя.

1. Хотя и того письма, которое недавно пришло к твоей благопристойности, достаточно было, чтобы успокоить горючесть твоей скорби, но так как властная сила уныния весьма изнурила тебя, то я счел необходимым к первому письму присоединить и второе, чтоб ты могла воспользоваться изобильным утешением и чтоб твое здоровье на будущее время не подвергалось опасности.

Итак сюда! Я хочу развеять пепел твоего уныния, прибегнув к другим средствам. Хотя я и думаю, что уныние из гнойной раны и опухоли превратилось в пепел, однако даже и при таких обстоятельствах не следует пренебрегать заботою о твоем здоровье, потому что и пепел, если тщательно не сдувать его, наносит вред самому лучшему из членов, мутя прозрачность глаза и расстраивая все зрение беспечного человека. Итак, чтобы не случилось того же и здесь, уничтожим старательно и остаток зла.

Но и ты восстань и протяни нам руку, потому что как обычно случается с телами больных, – что уничтожается (всякая) польза для здоровья, если врачи будут исполнять свой долг, а те не станут выполнять требуемого от них, – так обыкновенно бывает и с душою. Чтобы этого не случилось, старайся же и ты с подобающей тебе рассудительностью содействовать нам со своей стороны, чтобы таким образом польза происходила с обеих сторон.

Но, может быть, ты скажешь: «Я желаю, но не могу, потому что не в состоянии удалить от себя густое и мрачное облако уныния, даже и при упорной настойчивости». Это только отговорка и предлог. Я знаю благородство твоего ума, знаю крепость твоей богобоязненной души, знаю обилие рассудительности, силу любомудрия, знаю, что тебе достаточно только приказать свирепствующему морю уныния, чтобы оно сделалось спокойным. А чтоб это стало для тебя более легким, окажем и мы, со своей стороны, содействие. Как же именно будешь ты в состоянии легко сделать это? С одной стороны, обдумывая все, заключающееся в первом письме (потому что многое в нем сказано нами в виду этого предмета), с другой – делая вместе с тем и то, что я теперь приказываю.

Что же именно? Когда услышишь, что одна из церквей пала, а другая колеблется, третья заливается свирепыми волнами, иная претерпела другие непоправимые бедствия, одна взяла волка вместо пастыря, другая – морского разбойника вместо кормчего, третья – палача вместо врача, то хотя скорби, – потому что не должно переносить этого без боли, – но скорби так, чтобы печаль не переходила должных границ. В самом деле, если и в тех делах, в которых мы сами погрешаем и в которых имеем дать отчет, излишняя скорбь не необходима и не безопасна, а напротив даже очень пагубна и вредна, то еще более излишнее и напрасное и, сверх того, сатанинское и пагубное для души дело малодушествовать и сокрушаться о погрешностях других.

2. И чтобы знать тебе, что излишняя скорбь действительно дело сатаны, я расскажу тебе древнюю историю. Один коринфский муж (1 Кор. 5), причастившийся святых вод и

очищенный через Таинство Крещения, получивший участие в страшной Трапезе и сделавшийся участником всех вообще наших Таинств (а многие говорят, что он занимал даже место учителя), после этого священного введения в общение Таинств, после того как был допущен ко всем неизреченным благам и занимал в Церкви первые ступени, согрешил тягчайшим грехом. Посмотрев нечестивыми глазами на жену своего отца, он не остановился на этой бесчестной похоти, но привел свое необузданное желание даже и в действие: и то, на что он отважился, было не только блуд, но и прелюбодеяние, а лучше сказать, дело гораздо более тяжкое, чем прелюбодеяние. Поэтому и блаженный Павел, услышав (о преступлении) и не в силах будучи дать свойственное греху и надлежащее имя, иначе показал тяжесть этого беззакония, говоря так: *Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников* (1 Кор. 5, 1). Не сказал «и не терпимо», но «и не слышно даже», желая показать крайнюю степень этого беззакония. Он предает его диаволу, отлучает от всей Церкви и не дозволяет, чтобы он с кем-либо участвовал в общей трапезе. *С таким,* – говорит он, – *даже и не есть вместе* (1 Кор. 5, 11). Наконец проникается духом ревности, требуя для грешника высшей меры наказания, воспользовавшись для этого вместо палача сатаною, чтобы через этого последнего изможднть плоть преступника. И однако тот самый Павел, который отсек грешника от Церкви, не позволил ему даже участвовать с кем-нибудь в общей трапезе, повелел всем плакать за него [*И вы возгордились,* – говорит, – *вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело* (1 Кор. 5, 2)], отовсюду изгонял его как какую-нибудь заразу, закрыл для него доступ во всякий дом, предал сатане, требовал для него столь великого наказания, – этот самый Павел, когда увидел, что он поражен скорбью и раскаялся в своем грехе, и что самыми делами свидетельствует об отречении (от греха), и сам так опять изменился, что тем, кому предписал вышесказанное, дал затем противоположное приказание. В самом деле, сказав: отсеките, отвергните, плачьте и да возьмет его диавол, что говорит он теперь? *Дабы он не был поглощен чрезмерною печалью, прошу вас оказать ему любовь, чтобы не сделал нам ущерба сатана; ибо нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 7–8,11). Видишь, как неумеренная скорбь является сатанинским делом и произведением его коварства; видишь, как и спасительное лекарство он делает вредоносным вследствие неумеренности? И действительно оно становится вредоносным и предает ему (сатане) человека, когда он впадет в неумеренность. Вот почему Павел и говорил: *чтобы не сделал нам ущерба сатана.* Смысл его слов таков: овца покрылась множеством шелудей, была отчужден от стада, отлучена от Церкви, но поправилась от болезни и сделалась такой, какою была прежде (такова сила покаяния), наконец, возвратилась в наше стадо; привлечем же ее к себе всецело, примем с распростертыми руками, обхватим, обнимем, введем в единение с нами самими, потому что если бы мы не захотели сделать этого, то значило бы, что диавол обманывает нас, захватывая не своего, но того, который сделался нашим, захватывая по причине нашей беспечности, утапливая его благодаря неумеренному унынию и, наконец, делая его своей собственностью. Поэтому-то Апостол и присоединил: *ибо нам не безызвестны его умыслы,* так как диавол имеет обыкновение вовлекать неосторожных в обман даже и при посредстве того, что часто приносит пользу, если это полезное получает не должное применение.

3. Если же Павел не дозволяет предаваться излишней печали даже и ввиду допущенного греха, и притом греха столь тяжкого, но спешит, торопится, делает все и заботится, чтобы уничтожить бремя уныния, называя неумеренность сатанинскою, говоря, что она выгодна для диавола и есть дело его злости и бесчестных его намерений, то как же не признак крайнего безумия и сумасшествия убиваться и скорбеть из-за того, в чем согрешили другие, и за что другие же должны дать отчет, – убиваться и скорбеть до такой степени, чтобы привлекать в свою душу неизреченный мрак, беспокойство, смущение, тревогу и невыразимую бурю? Если же ты опять скажешь мне то же самое, что хотя я и желаю, но не имею силы, то

и я опять скажу тебе то же самое – что это только предлог и отговорка, потому что я знаю силу твоей любомудрой души.

А чтобы и иным способом делать для тебя более легкими и сопротивление этому неуместному и пагубному унынию и победу над ним, для этого опять исполняй, что я приказываю.

Когда услышишь, что кто-либо рассказывает об этой гибели, то быстро убегай от размышлений об этом, беги к мысли о том страшном дне и размышляй о страшном седалище, о Судье неподкупном, о реках огня, протекающих пред тем седалищем и шумящих сильнейшим пламенем, об изощренных мечах, жестоких наказаниях, о мучении, не имеющем конца, мраке беспросветном, тьме кромешной, черве смертоносном, узах неразрешимых, скрежете зубов и плаче неутешном, о зрелище вселенной, лучше же – зрелище той и другой твари, высшей и низшей. *И силы небесные,* – говорится, – *поколеблются* (Мф. 24,29), потому что, хотя они и ничего не сознают за собой и не должны давать отчета, но, созерцая судимыми весь род человеческий и бесчисленные народы, предстоят там не без страха. Столь велик тогда будет страх.

Итак помышляй об этом и о тех обличениях, спастись от которых не будет никакой возможности. Тот Судья не нуждается ни в обвинителях, ни в свидетелях, ни в доказательствах, ни в уликах, но все, как оно было сделано, объявляет публично и перед глазами согрешивших. Тогда не будет никого, кто явился бы и спас бы от наказания, (не помогут) ни отец, ни сын, ни дочь, ни мать, ни другой какой-либо родственник, ни сосед, ни друг, ни защитник, ни деньги, ни обилие богатства, ни величие власти; все это удалено, как пыль от ног, и один только подсудимый ожидает за свои дела или оправдательного или обвинительного приговора. Тогда никто не судится за то, в чем согрешил другой, и лишь за то, в чем погрешил каждый сам.

Итак, соединив все это, приумножив тот страх и противопоставив его сатанинской и душевредной печали, стань таким образом против нее в боевом строю, в котором и показавшись только, ты будешь в состоянии рассеять и уничтожить ее легче, чем паутину. В самом деле, печаль эта, кроме того, что суетна и бесполезна, еще и очень гибельна и вредна: а этот страх и необходим, и выгоден, и полезен, и соединен с большой прибылью.

Но я, впрочем, незаметно увлекся полетом слова и предложил неподходящее к тебе увещание. Ведь это для меня и для тех, которые, подобно мне погружены во множество грехов, необходима эта речь, потому что она устрашает и возбуждает, а тебя цветущую таким множеством добродетелей и коснувшуюся уже самого свода небес, она вовсе не может поражать страхом. Поэтому, беседуя с тобой, я обращусь к песне другого рода и стану ударять по другой струне, потому что этот страх не может поразить тебя, а если и поражает, то только в такой разве степени в какой – и Ангелов.

Итак, перейдем к другому, а вместе с нашей речью перейди сюда и сама ты, а именно, помышляй о воздаяниях за свои добродетели, о блестящих наградах, о светлых венцах, о хороводе вместе с девами, о священных обителях, о Небесном брачном Чертоге, об уделе общем с Ангелами, о полном дерзновении и общении с Женихом, о том удивительном шествии с факелами, о благах, превосходящих и слово, и ум.

4. Не противоречь моим словам, если даже я и причислил тебя, прожившую во вдовстве, к хору тех святых дев. Ты часто слышала меня и наедине, и публично беседовавшего о том, как вообще определяется девство, и что никогда нельзя было бы воспрепятствовать тебе быть сопричисленною к хору тех дев, а лучше сказать – превзойти и их в значительной степени, тебе, которая проявила великое любомудрие и в остальных добродетелях. Вот почему и Павел, давая определение девства, назвал девою не ту, которая не знает брака и свободна от сожительства с мужем, но ту, которая *печется о Господних* (1 Кор. 7, 34). И Сам Христос, показывая, насколько важнее девства милостыня, скипетр которой ты сама крепко

держишь и за которую давно стяжала себе венец, изгнал из того сонма половину дев, так как они вошли без этой добродетели, лучше же сказать, потому что не владели ею в достаточной степени, – потому что масло у них было, но не в достаточной мере; а тех, которые вошли без девства, но облечены были добродетелью милостыни, принял с великой честью, называя их и благословенными Отца, и призывая к Себе, даруя им участие в Царстве Своем и провозглашая (об их добродетели) перед всей вселенной (Мф. 25), и в присутствии Ангелов и всей твари не отказался назвать их питавшими Его и оказавшими гостеприимство.

Этот блаженный голос и сама ты услышишь, тогда и в изобилии вкусишь эту награду. Если же только за милостыню такое великое воздаяние, такие венцы, такое отличие, такой почет и слава, то, если бы я перечислил и остальные твои добродетели, какой великой милости ты заслуживала бы – ты, которая должна бы в силу этого уже праздновать, радоваться и ликовать, и увенчивать себя; а между тем убиваешь себя печалью из-за того, что такой-то неистовствует, а такой-то низринулся с крутизны, и делаешь более легким нападение на твою святую душу для диавола, которого ты до сего дня непрестанно уничтожала.

В самом деле, что мог бы кто-нибудь сказать о твоем терпении, которое так разнообразно проявляется во множестве видов и образов? Какое слово, опять, будет у нас достаточно, каковы должны быть рассказы, если кто-нибудь стал бы перечислять твои страдания, начиная с детского возраста до настоящего времени, страдания от домашних, от чужих, от друзей, от врагов, от находящихся в родстве, от тех, кто ни в каких родственных отношениях не состоял, от обладающих могуществом, от людей простых, от начальников, от частных лиц, от принадлежащих к клиру? Ведь каждое из этих страданий, если бы кто стал излагать его, только само по себе в состоянии превратить рассказ о нем в целую историю. А если бы кто перешел к другим видам этой добродетели и стал повествовать о страданиях, причиненных тебе уже не со стороны других людей, а тобою же, то какой камень, какое железо, какой адамант он найдет не побежденными тобою?

В самом деле, получив такое мягкое и нежное тело, выросшее во всяком виде роскоши, ты так преследовала его разнообразными страданиями, что оно находится теперь в положении нисколько не лучшем того, как если бы оно уже умерло: ты зажгла в себе такое множество болезней, что стали напрасны и искусство врачей, и сила лекарств, и всякие попечения, и всецело предалась непрерывным страданиям.

5. Если же кто-нибудь пожелал бы рассказать о твоей воздержности и терпеливости, проявляющихся за обедом и во время ночей, то как много ему пришлось бы говорить? Впрочем, в отношении к тебе эти добродетели нельзя уже назвать ни воздержанием, ни терпеливостью, для них нам следует искать другое – гораздо более сильное название.

В самом деле, мы говорим, что тот воздержен и тверд, кто одерживает верх над беспокоящей его страстью. Тебе же не над чем одерживать верх, потому что ты, с самого начала напав на плоть, с большой стремительностью потушила ее страсти, не обуздав коня, но связав и повергнув на землю, и заставив его лежать неподвижно. И если тогда ты вполне овладела воздержанием, то теперь владеешь наконец бесстрастием. Страсть к роскоши не надоедает уже тебе, и ты не трудишься, чтобы преодолеть ее, но, раз и навсегда истребив ее и сделав плоть свою недоступной для нее, ты приучила свой желудок вкушать пищи и питья лишь столько, сколько нужно, чтобы не умереть и не потерпеть за это наказания. Вот почему я и называю это не постом и не воздержанием, но чем-то иным, большим этого.

То же самое можно видеть и в твоем священном бодрствовании, потому что когда потушена была вышеупомянутая страсть, вместе с ней была потушена и страсть ко сну, так как сон питается пищей. Ты уничтожила эту страсть и другим образом, сначала насилуя саму природу и проводя целые ночи без сна, а впоследствии, в силу постоянной привычки, возведя это и в степень природного свойства, до того что как для других спать – дело сообразное с природой, так для тебя – бодрствовать.

Все это удивительно и изумительно уже и само по себе. Если кто-нибудь обратит внимание на время, на то, что достигла этих добродетелей в незрелом возрасте, – затем на отсутствие людей, которые могли бы научить, и на множество соблазнителей, а также и на то, что все это совершалось в душе, недавно вышедшей из нечестивого дома и только что обратившейся к истине, и что все это происходило в женском теле, и притом, вследствие знатности и роскоши предков, теле нежном – то какие моря чудес откроются перед ним, если он станет рассматривать все это в отдельности одно от другого?

Об остальном – смиренномудрии, любви и прочих добродетелях твоей святой души не стану поэтому и упоминать. И в самом деле, только что я вспомнил об этих добродетелях и перечислил их, как ум мой опять заструился бесчисленными источниками, и вынуждается сказать, хотя бы отчасти, о видах и этих добродетелей, подобно как и предшествующей, или лучше – только об их основаниях, потому что об этом надо было бы говорить без конца. Но чтобы не уклониться от того предмета, который я решился раскрыть, я не дозволяю себе унестись в беспредельное море. Если бы теперь не было у меня назначено с корнем исторгнуть у тебя уныние, то я с удовольствием занялся бы этими речами и поплыл бы по беспредельному морю, а лучше сказать – по морям, пролагая разнообразные пути каждой твоей добродетели, из которых всякий путь рождал бы опять море; и у меня была бы речь или о терпении, или смиренномудрии и милостыне, разнообразно проявляющейся и распространившейся до самых концов вселенной, или о любви, одерживающей верх над бесчисленными страстями, или о безмерном благоразумии, исполненном великой благодати и превосходящем меры природы. А если бы кто желал перечислить порожденные отсюда добродетели, то он стал бы делать то же самое, как если бы кто вздумал считать морские волны.

6. Поэтому, пробежав мимо беспредельных этих морей, я попытаюсь показать льва по когтю, сказав несколько слов о твоем платье, об одеждах, облегающих тебя просто и кое-как. По-видимому, эта добродетель меньше остальных; но если бы кто исследовал ее тщательно, то нашел бы, что она очень велика и требует души мудрой, презирающей все житейское и стремящейся к самому небу. Вот почему не только в Новом Завете, но и даже и в Ветхом, когда Бог вел человеческий род посредством тени и образа, и когда образ жизни устроялся более плотски, когда не было еще никакой речи о небесном, никакого указания на будущее, никакого намека на господствующее теперь любомудрие, когда законы евреев писались в очень грубой и плотской форме, в то еще время Бог строго запрещал проявляющуюся в одеждах страсть к украшениям, говоря через пророка: *И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны, и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью, и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. В тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах… И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос плешь, и вместо широкой епанчи узкое вретище* (Ис. 3, 16–18, 23): это тебе будет вместо украшения. Видишь, какой чрезвычайный гнев? Видишь, какое сильное наказание и мщение? Видишь, какой жестокий плен? Отсюда догадывайся о величине греха, потому что Человеколюбец никогда не наслал бы столь тяжкого наказания, если бы грех, навлекавший его, не был еще более тяжким. Если же грех велик, то очевидно, что и добродетель, которая ему противостоит, весьма велика. Поэтому-то и Павел, беседуя с женщинами, любящими мирскую жизнь, не только отклоняет их от ношения золотых украшений, но не дозволяет облекаться и в дорогие одежды. Он знал, знал ясно, что это опасная и трудноодолимая болезнь души, болезнь, которая служит величайшим доказательством растленного ума, и для борьбы с которой нужен ум очень мудрый, что и доказывают не только женщины, следующие обыкновенному образу жизни и вступившие в брак с мужьями, из которых ни одна без труда не оказалась послушной этому совету, но и такие женщины, которые, по-видимому, были мудры и

получили в удел – принадлежать к сонму дев. Многие из таких женщин, приступив к борьбе с властной силой природы и в чистоте совершая путь девства, подражая в этом ангельскому образу жизни и в смертном теле показывая зачатки воскресения, потому что в том веке, говорит Христос: *ни женятся, ни замуж не выходят* (Лк. 20, 35), соревнуя бесплотным силам и в тленном теле споря с нетлением, и – что для многих даже и слышать трудно – самыми делами счастливо выполняя это, отталкивая от себя похоть, как бы бешеную и постоянно нападающую собаку, успокаивая свирепеющее море и спокойно плывя среди диких волн, счастливо несясь с попутным ветром по взволнованному морю, стоя в печи естественной страсти и не будучи сожигаемы, но попирая эти угли, как грязь; многие и из таких дев были постыдно и плачевно пленены этой страстью и, превозмогши большее, были покорены этим пороком.

7. Действительно, девство столь великое дело и требует такого великого труда, что Христос, сойдя с неба для того, чтобы сделать людей ангелами и здесь насадить вышний образ жизни, не решился даже и при такой цели предписать его и возвести в степень закона; несмотря на то, что дал закон умирать (что могло бы быть тяжелее этого?), постоянно распинать себя и благодетельствовать врагам, девства тем не менее не узаконил, а предоставил на добровольный выбор слушателей, сказав: *Кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12). Велико, действительно, бремя этого дела, трудность этих подвигов и пот от этих состязаний, равно как и место этой добродетели весьма обрывисто. Это доказывают и те, которые процветали многими добродетелями в Ветхом Завете. Так, даже тот великий Моисей, глава пророков, преискренний друг Божий, насладившийся таким дерзновением, что мог исторгнуть от ниспосланного Богом поражения шестьсот тысяч подлежавших наказанию, – этот столь великий и славный муж, несмотря на то, что приказал морю и разделил воды, расторгнул скалы, изменил воздух, воду нильскую превратил в кровь, воздвигнул против фараона полчище жаб и саранчи, изменил всю тварь, показал другие бесчисленные чудеса и представил много примеров добродетели – а он блистал и тем и другим – даже и он был не в силах посмотреть на эти состязания, но нуждался в браке, сожительстве с женой и проистекающей отсюда безопасности; даже и он не отважился пуститься в море девства, боясь несущихся оттуда волн. Равным образом и патриарх, приносивший в жертву сына, был в состоянии преодолеть самое властное чувство природы и мог убить сына, и притом сына Исаака в самом цветущем возрасте, в самую лучшую пору юности, единородного, дорогого, данного вопреки всякой надежде, сына, который был единственной его опорой, и притом во время глубокой старости, сына, украшенного многими добродетелями; и его-то он был в состоянии возвести на гору, намереваясь на ней совершить свое дело, построил жертвенник, сложил дрова, положил жертву, взял нож и вонзил его в гортань сына (Быт. 22). И в самом деле он вонзил, и этот адамант обагрился кровью, а лучше сказать, адаманта твердейший, так как тот владеет твердостью по природе, а этот подражал естественной твердости через свою мудрость, проистекавшую из доброй его воли, и проявил своими делами бесстрастие Ангелов. И все же, оказавшись в состоянии довести до конца столь великое и прекрасное состязание, выступив из границ самой природы, он не отважился приступить к подвигам девства, но убоялся и сам этих опасностей и предпочел покой, какой дает брак.

8. Если угодно, к упомянутым лицам присоединю и Иова – праведного, любящего истину благочестивого, воздерживающегося от всякого дурного дела (Иов. 1). Этот Иов сокрушил уста диавола, ударяемый, не ударяя, он опустошил весь его колчан и, постоянно поражаемый от него стрелами, он выдержал всякий вид искушений, и каждый – с совершенным превосходством. В самом деле, что в жизни кажется печальным и в действительности является таковым? Это, по преимуществу, бедность, болезнь, потеря детей, восстание врагов, неблагодарность друзей, голод, постоянные страдания плоти, обиды, клевета и стяжание дурного о себе мнения. Все это излилось на одно тело и было приготовлено против

одной души; и что было еще тяжелее – все это налегло на человека неприготовленного к тому. Этими словами я хочу сказать следующее: тот, кто родился от бедняков и воспитался в такого же рода доме, легко может перенести тяжесть бедности, так как он упражнялся в перенесении ее и привык к ней; тот же, кто обладает великим имуществом и изобилует великим богатством, а потом сразу подвергнется изменению своей участи на противоположную ей, не может легко перенести перемены, потому что она, приключившись внезапно, человеку неопытному кажется более тяжелой. Опять же, человек незнатный и родившийся от незнатных же родителей, живущий в постоянном пренебрежении со стороны других, был бы не особенно смущен, если бы его стали злословить и оскорблять; но тот, кто пользовался великой славой, кого все охраняли, кто был на устах у всех и о ком повсюду громко говорили – ниспав в бесславие и ничтожество, испытал бы то же самое, что и человек, который из богатого вдруг сделался бедным. Равным образом опять, человек, лишившийся детей, даже если бы он лишился всех их, но не в одно и то же время, имеет утешение за умерших в остающихся; и когда горе, вызванное смертью первых, прекратится, то, если со временем присоединится и смерть еще следующего, это горе бывает для него уже боле тихим, потому что он приходит не тогда, когда рана свежая, но когда она уже успокоилась и исчезла, что, конечно, немало убавляет скорби. Иов увидел, что весь сонм похищен у него в один миг, и притом горчайшим родом смерти. В самом деле, смерть была и насильственная, и безвременная, даже время и место немало увеличивали скорбь, потому что смерть произошла во время пира и в доме, открытом для гостей, так что дом этот для них сделался могилой. Что мог бы кто-нибудь сказать о том необыкновенном, неподдающемся объяснению голоде, голоде добровольном и невольном? Не знаю, как мне назвать его, потому что не нахожу и имени, которое можно бы приложить к этому виду неожиданно обрушившегося несчастья. И в самом деле, он воздерживался от находящейся пред ним трапезы и не касался лежавшей пред его глазами пищи, потому что зловоние от бывших на теле ран, встречаясь с желанием пищи, уничтожало это желание и самую трапезу делало отвратительной. Указывая на это, он говорит: *То составляет отвратительную пищу мою* (Иов. 6, 7). Сила голода заставляла его касаться предлежавших яств, но невероятное зловоние, происходившее от тела, преодолевало силу голода. Вот почему я и сказал, что не знаю, как его назвать. Добровольным? Но он желал вкусить предлежавших яств. Невольным? Но пища была налицо, и никто не препятствовал вкушать ее. Как мог бы я рассказать о муках, потоках червей, о стекавшем гное, об упреках от друзей, презрении от слуг? Слуги мои, говорит, не пощадили меня от оплеваний лица (Иов. 30,10). А об оскорблявших, нападавших на него? *Те, которых отцов,* – говорит он, – *я не согласился бы поместить с псами стад моих* (Иов. 30, 1), теперь напали на меня, и дают наставления мне люди ничтожные. Тяжело и на самом деле. Сказать ли мне о главнейшем из бедствий, о вершине несчастья, наиболее давившей его? Буря смятений, бывших в его рассудке – вот что больше всего невыносимо давило его, и чистая совесть его более всего превращала это во внутреннюю бурю, помрачала рассудок и приводило в замешательство кормчего. В самом деле, люди, сознающие за собой много грехов, если и потерпят какое-либо несчастье, по крайней мере, могут найти причину происходящего, взвешивая свои грехи и таким образом устраняя смущение, рождающееся от неизвестности. Опять же, если что-нибудь подобное испытают люди, не сознающие за собой ничего, но украшенные добродетелями, то, зная учение о воскресении и помышляя о будущих воздаяниях, знают, что приключающаяся им борьба служит основанием и для бесчисленных венцов. Этот же, и будучи праведным, и ничего не зная о воскресении, больше всего обуреваем был сомнением, не зная причины того, что испытывал, и мучился незнанием ее более, чем червями и страданиями. И чтобы ты поняла, что это так, обрати внимание на следующее: когда человеколюбивый Бог счел Иова достойным того, чтобы сказать ему причину этой борьбы, сказать, что все это допущено затем, чтобы обнаружилась его праведность, то он так ожил духом,

как будто бы не испытал ни одной из тех печалей, что он и выразил в произнесенных им тогда словах. И все-таки, несмотря на то, что он страдал, прежде чем понял причину, он мужественно переносил страдания, и после потери всего произнес те удивительные слова: *Господь дал, Господь и взял* (как угодно было Господу, так и сделалось), *да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1, 21)

9. Но под влиянием любви к этому мужу я, кажется, ушел очень далеко от предложенного для рассуждения предмета; поэтому, присоединив еще несколько слов, я снова займусь тем, что мною раньше предположено. Итак, этот столь великий и славный муж, поправший столько законов природы – даже и он не осмелился устремиться на это состязание, а насладился и жизнью с женой и сделался отцом многих детей. Столь велика трудность девства, так высоки и велики соединенные с ним подвиги и тяжелы труды, и требуют для себя большой твердости духа. И все же многие из приступивших к этому подвигу не побороли страсти к щегольству в одеждах, но были пленены и покорены ею более, чем даже мирские женщины. Не говори мне того, что они не носят на себе золота, не одеваются в шелковые и шитые золотом платья и не имеют украшенных драгоценными камнями ожерелий. Что всего тяжелее и что особенно ясно обнаруживает их болезнь и властную силу страсти – это то, что они всеми мерами старались и усиливались посредством простых своих одежд превзойти украшение облеченных в золото и в шелковые платья, и таким образом казаться более их прелестными, занимаясь, как сами они думали, безразличным делом; а как показывает сущность дела, гибельным и вредным, и ведущим в глубокую пропасть. Вот почему тысячами уст должно провозглашать о тебе, по той именно причине, что с чем бороться оказалось трудным для дев, то оказалось так не трудно и легко для живущей во вдовстве, как и показано на опыте. В самом деле, не невыразимой только простоте одеяния, превосходящей простоту одежд и самих нищих, дивлюсь я, но в особенности отсутствию всякой изысканности и искусственности в одежде, обуви, походке, а это все – краски добродетели, извне живописующие таящуюся в душе мудрость. *Одежда,* – говорится, – *и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его* (Сир. 19, 27).

В самом деле, если бы ты со всей решительностью не низвергла долу и не попрала земных размышлений о блеске этой жизни, то ты и не обнаружила бы в такой степени презрения к ним, не победила бы и не отогнала бы с такой силой этого тягчайшего греха. Никто да не обвиняет меня в излишней резкости слова, если я назвал этот грех тягчайшим. Если этот грех и на мирских еврейских женщин, и в то еще время, навлек столь великое наказание, то какое могут получить извинение те, которые должны иметь жительство на небесах и подражать ангельской жизни, которые проводят жизнь в благодати, если они отваживаются на тоже самое еще в гораздо большей мере? В самом деле, когда увидишь, как дева нежится в одеждах, влечет платье по земле, за что пророк произнес обвинение, ступает гордой поступью, и голосом, и глазами, и одеждой готовит губительную чашу для взирающих на нее бесстыдными глазами, более и более роет ямы для проходящих мимо и отсюда расставляет силки, то как ты назовешь ее после этого девой, а не причислишь ее к женщинам-блудницам? Не столько, действительно, последние обольщают, сколько первые, отовсюду распростирающие крылья удовольствия. Вот почему ублажаем тебя, вот почему удивляемся тебе, так как ты, освободившись от всего этого, и здесь показала образец умерщвления, не наряжаясь, но обнаруживая юношескую отвагу, не украшаясь, но вооружаясь на борьбу.

10. Теперь, когда мы показали льва по когтю, да и то отчасти (потому что я не раскрыл вполне и этой твоей добродетели, боясь, как я раньше сказал, войти в беспредельные моря остальных твоих добродетелей, впрочем, мы теперь и не ставили себе цели сказать похвалу твоей святой душе, а старались приготовить лекарство утешения), снова повторим сказанное прежде. А что мы прежде сказали? Перестав размышлять о том, почему тот согрешил и почему другой впал в ошибку, помышляй постоянно о подвигах твоей выносливости в тру-

дах, твоего терпения, поста, молитв, священных всенощных бодрствований, воздержания, милостыни, страннолюбия, разнообразных трудных и частых испытаний. Помышляй, как с первого возраста до настоящего дня ты непрестанно питала алчущего Христа, поила жаждущего, одевала нагого, гостеприимно принимала Его странником, посещала больного, приходила к связанному. Имей в мыслях море твоей любви, которое ты открыла до такой степени, что оно с большой стремительностью достигает самых границ вселенной, потому что не только твой дом открыт для всякого пришедшего, но и повсюду на земле и на море многие воспользовались твоей щедростью благодаря твоему гостеприимству. Объединив все это, наслаждайся и увеселяйся надеждой на будущие венцы и награды. Если же желаешь увидеть наказанными этих беззаконников, питающихся кровью и совершивших гораздо более еще тяжкие преступления, то увидишь тогда и это, подобно тому как и Лазарь видел горящего в пламени богача (Лк. 16,2–3); хотя вследствие различия их жизни им было назначено и различное место, и пропасть разделяла их, и один был на лоне Авраама, другой в огне невыносимом – все же Лазарь и увидел его, и услышал его голос, и отвечал. Это тогда будет и с тобой. Если, в самом деле, презревший и одного человека терпит такие наказания, и если, опять, соблазнившему и одного лучше повесить себе мельничный жернов на шею и броситься в море (Мф.18, 6), то соблазнившие такую великую часть вселенной, истребившие столько церквей, наполнившие все смятением и замешательством, превзошедшие даже разбойников и варваров жестокостью и бесчеловечием, и приведенные в такое крайнее неистовство их вождем диаволом и содействующими ему демонами, что сделали смешным и для иудеев и для эллинов то страшное учение, полное святости и достойное давшего его, потопившие бесчисленные души и причинившие по все вселенной бесчисленные кораблекрушения, зажегшие столь великий костер, рассекшие тело Христа и члены его рассеявшие во многих местах (говорит ведь Апостол: *И вы – тело Христово, а порознь – члены* (1 Кор. 12, 27); впрочем, зачем я стараюсь изобразить их безумие, для разъяснения которого слово бессильно), – так какому наказанию, думаешь ты, подвергнутся эти губители и кровопийцы? Если не напитавшие алчущего Христа присуждаются вместе с диаволом к неугасимому огню, то подумай, какое наказание потерпят люди, предавшие голоду сонмы монахов и дев, обнажившие одетых, не только не принявшие гостеприимно странников, но даже и выгнавшие их, не только не посетившие больных, но измучившие их еще более, не только не обращавшие внимания на связанных, но и устраивавшие, чтобы были ввергнуты в темницу и разрешенные от уз. И вот ты увидишь тогда, как они будут гореть в пламени, будут сжигаемы, связаны, как будут скрежетать зубами, вопить, наконец, напрасно плакать и бесполезно и без выгоды для себя раскаиваться, подобно тому, как тот богач. И они, в свою очередь, увидят тебя, увенчанную в том блаженном уделе, ликующую вместе с Ангелами, соцарствующую Христу; и сильно будут призывать на помощь, и плакать, раскаиваясь в тех обидах, какие они тебе причинили, принося к тебе мольбу, вспоминая о твоем сострадании и человеколюбии – и ничто уже для них более не будет.

11. Итак, помышляй и постоянно напоминай обо всем этом своей душе, и ты будешь в состоянии рассеять этот пепел. А так как есть еще, как мне думается, и нечто другое, что заставляет тебя сильно страдать, то приготовим и для этого размышления лекарство через то, что сказано и что теперь скажем. В самом деле, я думаю, что ты страдаешь не только по указанным причинам, но и вследствие того, что разлучена с нашим ничтожеством, думаю, что об этом ты постоянно плачешь и всем говоришь: не слышим того языка, не наслаждаемся учением, к которому привыкли, и томимся голодом, и чем Бог угрожал некогда евреям; теперь терпим мы – не алкание хлеба и не жажду воды, но голод божественного учения (Ам. 8,11). Что же мы на это скажем? А то, что тебе вполне возможно и при нашем отсутствии беседовать с нами письмами. И мы будем прилагать старание, всякий раз, как встретимся с доставителями писем, постоянно посылать тебе частые и длинные письма. Если же ты

желаешь слышать наше учение в живой речи, то может быть и это случится, и ты опять увидишь нас, а вернее, не может быть, а нисколько не сомневайся в этом. Напомним тебе, что мы сказали это не необдуманно и не с целью обмануть тебя и ввести в заблуждение, но ты услышишь и от живого голоса то, что теперь узнаешь через письма. Если же ожидание печалит тебя, то пойми, что и оно для тебя не бесполезно, а принесет тебе великую награду, если ты будешь мужественна, не станешь произносить ни одного горького слова, а будешь и за это прославлять Бога, что ты действительно постоянно и делаешь. Перенести разлуку с любимой душой, это подвиг не малый, для него нужна и очень мужественная душа и любомудрый ум. Кто это говорит? Если кто умеет любить искренне, если кто знает силу любви, тот знает, что я говорю. Но чтобы нам не блуждать в поисках искренне любящих (а, действительно, это редкое явление), поспешим к блаженному Павлу, и тот скажет нам, как велик этот подвиг и сколь великой души требует он для себя. В самом деле, этот Павел, совлекший с себя плоть и сложивший тело, обходивший вселенную почти обнаженной душой, изгнавший из духа всякую страсть, подражавший бесстрастию бестелесных сил, обитавший на земле, как бы на небе, стоявший вверху с Херувимами, участвовавший с ними в той таинственной песни, хотя и переносил без труда все остальное, как бы страдая в чужом теле (и тюрьмы, и узы, и изгнания, и бичевания, и угрозы, и смерть, и побиение камнями, и погружение в море, и все виды наказания) – но, разлученный с одной любимой им душой, он так был расстроен и смущен, что тотчас и ушел из города, в котором ожидал увидеть любимого человека и не нашел его. И об этом вместе с ним знает Троада, оставленная им по этой причине, так как она тогда не могла показать ему того, кого он любил. *Придя,* – говорит он, – *в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел в Македонию* (2 Кор. 2, 12–13). Что это, о Павел? Заключенный в колодки, живя в тюрьме, имея отпечатлевшиеся следы бичеваний, с текущей по спине кровью, ты вводил в Таинства, крестил, приносил жертву и не пренебрег даже одним человеком, который должен был получить спасение. А придя в Троаду и видя, что нива расчищена и готова принять семена, что рыбная тоня наполнена и доставляет тебе большую легкость, ты выбросил из рук такую прибыль и, несмотря на то, что по этой причине ты и пришел (*придя,* – говорит, – *в Троаду для благовествования,* то есть ради Евангелия), и никто не оказывал тебе противодействия (*отверста,* – говорит, – *была дверь*), ты, однако, тотчас ушел? Да, говорит, потому что я был одержим силой уныния, потому что мой дух очень смущало отсутствие Тита, и печаль так овладела и осилила меня, что принудила сделать это. А что действительно он испытал это вследствие уныния, о том нам нет нужды заключать по каким-нибудь догадкам; мы можем заключать и узнать это от самого же Павла, так как он, указав причину своего удаления, сказал: *Не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел.*

12. Видишь, какой величайший подвиг – быть в состоянии спокойно перенести разлуку с любимым человеком, и как горестно и печально это дело, как оно требует для себя души возвышенной и мужественной? Этот подвиг совершаешь и ты сама. Но чем более велик подвиг, тем больше и венец, и блистательнее награды. Да будет тебе это утешением в ожидании, равно как и то, что мы опять во всяком случае увидим тебя, изобилующую наградой за этот подвиг, увенчиваемую и осыпаемую славнейшими похвалами.

В самом деле, для любящих недостаточно одного лишь соединения друг с другом душой, они не довольствуются этим для утешения себя, а нуждаются и в телесном присутствии друг подле друга; и если это не приходит, то исчезает немалая доля радости.

Что действительно так; и это мы узнаем, если опять придем к питомцу любви. Посылая письмо македонянам, он так говорил: *Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицем, а не сердцем, тем с большим желанием старались увидеть лице ваше. И*

потому мы, я, Павел, и раз и два хотели придти к вам, но воспрепятствовал нам сатана… И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея (1 Фес. 2, 17, 18; 3, 1–2). О какая сила заключается в каждом выражении! Хранящееся в его душе пламя любви он показывает с большой ясностью. В самом деле, не сказал: будучи разлучены с вами, или: будучи отделены от вас, или: расставшись, или: будучи в отсутствии, но – *осиротевше от вас.* Он отыскал выражение, достаточно сильное, чтобы показать страдание его души. Хотя для всех он сам был в качестве отца, но говорит словами осиротевших детей, в незрелом возрасте лишившихся своего родителя, желая показать крайнюю степень своей печали. Действительно, нет ничего горестнее преждевременного сиротства, когда возраст не может помочь сиротам ни в каком деле, и нет людей, которые бы искренне позаботились о них, (а наоборот) является внезапно множество готовых напасть и имеющих против них злые замыслы, когда сироты, как агнцы бывают поставлены в середину волков, которые отовсюду терзают их и наносят удары. Никто не может изобразить словом величину этого несчастья. Вот почему и Павел, отыскивая повсюду слово, которое могло бы выразить как одиночество, так и тяжелое несчастье, употребил это выражение, чтобы показать то, что он терпел в разлуке с любимыми. Дальше он опять усиливает его непосредственно следующими за ним словами. *Осиротеете,* – говорит он, не на (долгое) время, но – *на короткое время,* и будучи разлучены не мыслью, но одним только *лицом,* мы даже и при таких обстоятельствах не переносим происходящей от этой разлуки скорби. Хотя мы и имеем достаточное утешение в том, что соединены душой, что вы находитесь в нашем сердце, что мы видели вас вчера и третьего дня, однако все это не избавляет нас от уныния. Чего же ты хочешь и желаешь, скажи мне, и желаешь так сильно? Видеть само лицо их. *Тем с большим желанием,* – говорит, – *старались увидеть лице ваше.* Что говоришь ты, высокий и великий муж? Ты, который имеешь мир распятым в себе и сам распят миру, ты, который освободился от всего плотского, стал почти бестелесным – до такой степени сделался плененным любовью, что спустился в бренную, сотворенную из земли и чувственную плоть? Да, говорит, и я не стыжусь своих слов, но еще и горжусь, и ищу этого потому, что имею изобилующую во мне любовь, мать благ.

И не просто телесного присутствия ищет он, но более всего желает увидеть их лицо. *Тем с большим желанием,* – говорит, – *старались увидеть лице ваше.* Итак, скажи мне, ты стремишься увидеть их очи и желаешь созерцания их лица? Даже и очень, говорит он, так как здесь место собрания органов чувств. Обнаженная от тела душа, сама по себе сблизившись с другой душой, не будет в состоянии ни сказать чего-либо, ни услышать, а если я буду пользоваться телесным присутствием, то и скажу что-нибудь и услышу от любимых.

Поэтому я желаю увидеть ваше лицо: там есть и язык, который издает звук и сообщает нам о происходящем внутри нас, и слух, который воспринимает слова, и глаза, живописующие душевные движения, так что при посредстве их можно лучше насладиться беседой с любимой душой.

13. И чтобы ты поняла, как он пламенеет желанием этого созерцания, обрати внимание на следующее. Сказав *тем с большим желанием,* он не удовольствовался этим выражением, но прибавил: *многим желанием* (1 Фес. 2, 17). Потом не перенося того, чтобы его смешивали с прочими, но показывая, что он любит сильнее прочих, словами *тем с большим желанием* и *хотели прийти к вам* (1 Фес. 2, 18) он отделил себя от остальных и, поставив только себя одного, прибавил: *И потому мы, я, Павел, и раз и два,* чем и показывает, что он старался больше остальных.

Затем, так как ему не удалось (прийти к солунянам), он не довольствуется письмами, но посылает своего спутника Тимофея, который должен был быть для него вместо писем, почему и прибавляет: *И потому, не терпя более.*

Какое опять благородство в выражении! Какая сила изречения, показывающая неудержимую и нестерпимую его любовь! И подобно тому, как кто-нибудь, будучи сжигаем огнем и стараясь найти какое-нибудь облегчение от пламени, употребляет все средства, так и он, пламенея, задыхаясь и сгорая любовью, придумывал, насколько ему позволяли обстоятельства, возможное утешение. *И потому,* – говорит, – *не терпя более, мы послали Тимофея, служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом* (1 Фес. 3, 1–2), отделив самый необходимый член нашего собрания и променяв печаль на печаль. А что он нелегко переносил отсутствие и Тимофея, а избрал себе эту великую печаль из-за них, это он показал словами *мы восхотели остаться одни.*

О душа, совершенно претворившаяся в саму любовь! Как только был разлучен с одним братом, уже говорит, что сделался одиноким, и это тогда, когда имел с собой многих других.

Вот об этом постоянно заботься и сама, и чем это дело для тебя мучительнее, тем более считай его полезным – если переносишь с благодарностью. Ведь не только наносимые телу удары, но и страдание души приносит неизреченные венцы, и душевное страдание даже больше, чем телесное, если поражаемые переносят с благодарностью. Подобно тому как если бы ты мужественно переносила терзания и бичевания тела, прославляя за это Бога, то получила бы большое вознаграждение, так точно и за эти страдания души ожидай теперь великих воздаяний. Ожидай же и того, что во всяком случае, ты опять увидишь нас, освободишься от этой скорби и получишь происходящую из печали большую прибыль – и тогда, и теперь. Этого достаточно тебе для утешения, лучше же не тебе только, но и кому угодно, хотя бы то был безумный и имел каменную душу. А где столь великое благоразумие, где такое богатство богобоязненности, и высота мудрости, и душа, презревшая блеск житейских благ, тем легче и уход за болезнью. Покажи же и в этом твою любовь к нам, покажи, что мы и через письма имеем у тебя большую силу и именно такую же, какую имели при личном присутствии.

А ясно ты покажешь это, если мы узнаем, что наши письма принесли тебе некоторую пользу, лучше же – не только некоторую пользу, но и такую именно, какой мы желаем. А желаем мы, чтобы ты теперь пребывала в той же самой радости, в какой мы видели тебя, живя там. И если мы узнаем это, то и сами будем наслаждаться немалым утешением в том одиночестве, в каком мы находимся. Поэтому, если желаешь и нам сообщить хорошее расположение духа (а я знаю, что желаешь и даже весьма озабочена этим), то покажи, что удалила весь сор уныния и что живешь спокойно, и дай нам эту награду за наше к тебе благожелание и любовь, а ты знаешь, ясно знаешь, что опять ободришь наш дух, если счастливо совершишь это и согласно с истиной известишь нас об этом письмом.

Письмо третье

Печаль есть самое ужасное из всех бедствий. – Она ужаснее самой смерти. – Доказательство этой мысли на нескольких примерах. – Страдания более служат основой для заслуг, чем даже добрые дела. Размышления о страданиях Иова, апостола Павла и Иосифа.

1. И тела, которые боролись с сильными лихорадками, не сразу освобождаются от вреда, причиняемого лихорадками, и моря, которые вели состязание с суровыми ветрами, не сразу стихают от волнения поднявшихся волн, а медленно и постепенно.

Для тел требуется много времени, чтобы после избавления от лихорадок возвратиться в состояние полного здоровья и уничтожить слабость, оставшуюся в них после болезни; равно и воды, и после того как прекратятся ветры, долго еще бурлят и волнуются, то уносясь вдаль, то с большой стремительностью возвращаясь назад, – и им нужно время, чтобы возвратиться в состояние полного покоя.

Эти вступительные слова сказаны мной к твоей богобоязненности не без цели; а для того, чтобы ты поняла, что и это письмо мы посылаем тебе, вызванные к тому необходимостью. В самом деле, хотя предыдущими письмами мы и уничтожили власть уныния, и разрушили до основания ее крепость, но речь наша должна ревностно наблюдать за тем, чтобы приобрести для тебя и полный мир, уничтожить воспоминание о всех тревогах, происшедших от уныния, дать тебе чистый и постоянный покой и доставить тебе полную радость. О том мы и стараемся, чтобы не только освободить тебя от уныния, но и исполнить еще большой и постоянной радости. Это возможно, если ты захочешь.

Причины радости лежат не в неизменных законах природы, которых уничтожить и переменить для нас невозможно, а в свободных размышлениях нашей воли, управлять которыми для нас легко. И ты знаешь, если только помнишь, что недавно (а немного времени прошло с тех пор) я сказал много пространных бесед об этом, когда именно я постоянно собирал истории, которые, затем, и предлагал слушателям. В самом деле, причина радости обыкновенно лежит не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме людей. Если же это так, если многие, изобилуя богатством, считают жизнь невыносимой, а другие, живя в крайней бедности, всегда остаются радостнее всех, если люди, пользующиеся охранной стражею и славой и честью, часто призывают проклятие на свою жизнь, а незнатные и рожденные от незнатных и никому неизвестные считают себя счастливее многих, – потому что не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме людей, лежит причина радости (не перестану постоянно повторять это), – не падай духом, сестра, а восстань, протяни руку нашему слову и доставь нам эту прекрасную помощь, чтобы мы совершенно исхитили тебя из горького плена размышлений. Если ты не пожелаешь и сама проявить такого же усердия, какое и мы проявляем, то у нас не будет никакой пользы от лечения. И что удивительного, если так бывает у нас? Ведь даже и тогда, когда увещевает и советует всемогущий Бог, а слушатель не повинуется Его словам, не бывает никакой пользы; напротив, это служит лишь к большему наказанию не повиновавшегося. Указывая на это, Христос говорил: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем* (Ин. 15, 22). Вот почему и оплакивая по той же самой причине Иерусалим, Он говорил: *Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23, 37–38).

2. Итак, зная это, моя боголюбезнейшая госпожа, трудись, соревнуй и, имея помощь в сказанном нами, старайся всеми силами вытеснять и изгонять те размышления, которые

смущают тебя и производят беспокойство и такую бурю. Впрочем, мне думается, что никто не должен и сомневаться в том, что ты станешь делать это и будешь послушна нашему увещанию. Нам же остается теперь только приготовить для тебя мечи и копья, лук и стрелы, панцирь, щит и поножи, чтобы одним ты могла защищать себя, и другим поражать, уничтожать и умерщвлять нападающие на тебя тревожные размышления. Откуда же мы приготовим для тебя эти орудия и пращи, так чтобы ты не позволяла даже близко и подходить неприятелям, а чтобы победоносно гнала их прочь как можно дальше? От самого же уныния, если мы немного порассудим о нем и покажем, как оно тяжело и несносно.

Подлинно, уныние есть тяжкое мучение душ, некоторая неизреченная мука и наказание, горшее всякого наказания и мучения. И в самом деле, оно подобно смертоносному червю, касаясь не только плоти, но и самой души; оно – моль, поедающая не только кости, но и разум; постоянный палач, не ребра рассекающий, но разрушающий даже и силу души; непрерывная ночь, беспросветный мрак, буря, ураган, тайный жар, сжигающий сильнее всякого пламени, война без перемирия, болезнь, затемняющая многое из воспринимаемого зрением. И солнце, и этот светлый воздух, кажется, тяготят находящихся в таком состоянии, и самый полдень для них представляется подобным глубокой ночи.

Вот почему и дивный пророк, указывая на это, говорил: *произведу закат солнца для них в полдень* (Ам. 8, 9), не потому, что светило скрывается, и не потому, что прерывается обычный его бег, а потому, что душа, находящаяся в состоянии уныния, в самую светлую часть дня воображает себе ночь.

Подлинно, не так велик мрак ночи, как велика ночь уныния, являющаяся не по закону природы, а наступающая с помрачением мыслей; ночь какая-то страшная и невыносимая, с суровым видом, жесточайшая всякого тирана, не уступающая скоро никому, кто пытается бороться с ней, но часто удерживающая плененную душу крепче адаманта, когда последняя не обладает большой мудростью.

3. Что за нужда мне много говорить от себя, когда можно обратиться к тем, которые были пленены унынием, и отсюда понять всю его силу? Впрочем, если тебе угодно, раскроем его сначала с другой стороны. Когда Адам совершил тот тяжкий грех и вместе с собою подверг осуждению весь человеческий род, тогда он был осужден на труд (Быт. 3); совершившая же больший грех, и настолько больший, что грех Адама по сравнению с этим может даже и не считаться грехом, – *Не Адам прельщен,* – говорится, – *но жена, прельстившись, впала в преступление* (1 Тим. 2, 14), – эта, говорю, которая прельстилась и *впала в преступление,* и приготовила как для самой себя, так и для мужа, смертоносный напиток, осуждается на великую печаль, потому что последняя может угнести сильнее, чем труд. *Умножая,* говорится, *умножу печали твоя, и воздыхания твоя:* в печалях *родши гада* (Быт. 3, 16). Нигде не назначается ей работа, нигде – пот и нигде – труд, но уныние и стенание, и проистекающее отсюда наказание, равносильное и трудам, и бесчисленным смертям, а вернее – даже и много тягостнее их.

Впрочем, что хуже смерти? Не кажется ли она главным из людских бедствий, страшным и невыносимым, и достойным бесконечного плача? Не сказал ли Павел, что она – наказание за самое тяжкое беззаконие? Он сказал, что этому наказанию подвергаются те, кто недостойно приступает к Священным Таинствам и принимает участие в той страшной Трапезе, говоря так: *От того многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30).

И все законодатели не присуждают ли к этому наказанию тех, кто совершил самые ужасные злодеяния? И Бог в законе не наложил ли этого крайнего наказания на великих грешников? Не из-за страха ли перед смертью тот патриарх, победивший и самую природу, решился отдать свою собственную жену в жертву варварского сладострастия и египетской тирании, сам устраивал это деяние бесчестия и увещевал жену вместе с ним притворствовать в этом тяжком и печальном деле? И он даже не стыдится указать причину такого при-

творства: *Когда Египтяне,* – говорит, – *увидят тебя,* так блистающую юностью и обладающую красотой лица, *то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя* (Быт. 12, 12–13). Видишь страх, видишь трепет, потрясающий эту высокую и любомудрую душу? Видишь адамант, сокрушенный страхом? Он лжет об ее происхождении, дает жене одно лицо вместо другого и делает агницу легко уловимой для волков, и что всего невыносимее для мужей, именно видеть, что жена обесчещивается, лучше же – даже только подозревать ее, то самое, и даже еще более тяжкое (потому что в данном случае было не подозрение, но обесчещение, на которое дерзали самым делом), он не только видит, но и устраивает так, чтобы на него дерзнули, – и это кажется ему и легким, и выносимым. Так страсть преодолевала страсть, страсть тяжкая побеждалась тягчайшей, и боязнь смерти одержала верх над ревностью.

И тот великий Илия из-за страха перед смертью стал беглецом, изгнанником и переселенцем, испугавшись только угрозы распутной и нечестивой женщины (3 Цар. 19), – тот, кто заключил небо и совершил столько чудес, не перенес страха перед ее словами, но ужас так потряс эту возвышавшуюся до небес душу, что он оставил разом и отечество, и такой народ, из-за которого раньше подвергнулся столь великим опасностям, и один только прошел сорокадневный путь, и переселился в пустыню, – и это сделал после того дерзновения, после такой свободы речи, после столь великого проявления мужества. Подлинно, весьма страшна природа смерти.

Вот почему, несмотря на то, что она ежедневно нападает на наш род, она при каждом мертвеце так устрашает, смущает и поражает нас, как будто бы она является тогда неожиданно. И ни врачевство со стороны времени, ни ежедневное упражнение в этом созерцании не в силах успокоить нас; уныние и ужас этот не стареет и от времени, но постоянно остается молодым и полным сил, и (смерть) ежедневно приходит, неся страх свежий и цветущий. И это очень естественно.

В самом деле, кто может не устрашиться и не впасть в робость, когда увидит, как тот, кто вчера или за несколько дней перед тем ходил, действовал, занимался множеством дел относительно дома, жены, детей, слуг, а часто стоял и во главе целых городов, грозил, устрашал, отменял наказания, налагал их, совершал бесчисленные дела по городам и странам, – вдруг лежит безгласнее камней и ничего не чувствует, в то время как рыдает несметное число людей, убиваются ближайшие, жена сокрушается скорбью, бьет себя по щекам, рвет волосы на голове и с великим воплем расставляет кругом себя сонмы служанок?

Кто может не устрашиться, когда увидит, что все внезапно ушло прочь: и рассудок, и ум, и душа, и цвет лица, и движение членов, – что на смену всему тому пришло нерадостное: немота и бесчувственность, тление, сукровица, черви, пепел, прах, зловоние, совершенное уничтожение, и что все тело спешит открыть отвратительные и безобразные кости?

4. И все-таки смерть, внушающая такой страх, о чем свидетельствует и действительность и робость указанных святых, много легче уныния. Из-за него ведь я начал эти длинные речи, чтобы пояснить тебе, какому ты подвергаешься наказанию и какого в противовес ему ожидаешь вознаграждения благами, а вернее – и гораздо большего. И чтобы ты поняла, что действительно это так, обращусь теперь к тем, кто был пленен этой страстью, к чему я спешил и прежде.

Так, когда пришел Моисей и возвещал освобождение и избавление от египетских бедствий, то еврейский народ не хотел даже и выслушать; и законодатель, указывая причину этого, говорил: *Моисей пересказал это народу, и не послушал народ Моисея по малодушию* (Исх. 6, 9).

Равным образом, когда Господь произносил иудеям великие угрозы за великое беззаконие, то, после угроз пленом, пребыванием в чужой земле, рабством, голодом, язвами, упо-

треблением в пищу человеческого мяса, присоединяет и это наказание, говоря: *Дам им трепещущее сердце, истаевание очей и изнывание души* (Втор. 28, 65).

Но зачем нужно говорить об иудеях, народе своенравном, неблагодарном, преданном рабству плоти, не умевшем любомудрствовать, когда можно заимствовать доказательство от мужей великих и возвышенных? В самом деле, вот сонм апостолов, три года бывший вместе с Христом и наученный многому относительно бессмертия и прочих тайн; они творили дивные и необычайные знамения и видели Его столько времени творившим чудеса, получили участие в трапезе с Ним, в беседе и таких речах, и наставлены были во всяком роде учения; эти апостолы, постоянно удерживавшие Христа, привязанные к Нему, как грудные дети, и беспрестанно спрашивавшие Его: *Куда идешь?* – когда услышали слова, наводившие на них уныние, так были подавлены силой этого уныния и до такой степени исполнились печали, что уже не расспрашивали Его об этом. И укоряя их за это, Христос говорил: *Вы слышали, что Я иду к Пославшему Меня, и иду к вам, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печаль наполнила ваше сердце* (Ин. 16, 5–6). Видишь, как сила уныния затемнила любовь, как она сделала их своими пленниками и подчинила себе?

А опять тот славный Илия (не отстану от него даже и теперь), после бегства и удаления из Палестины, не вынося тягости уныния (и действительно, он очень унывал; на это указал и писавший историю, говоря, что *пошел, чтобы спасти жизнь свою* (3 Цар. 19, 3), – послушай, что говорит в своей молитве: *довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих* (ст. 4). Так (смерть) – это страшилище, эту высшую степень наказания, эту главу зол, это возмездие за всякий грех, он просит как желанного и хочет получить в качестве милости. До такой степени уныние ужаснее смерти: чтобы избежать первого, он прибегает к последней.

5. Здесь я хочу разрешить тебе один вопрос. Я ведь знаю твою любовь к решениям подобных вопросов. Итак, что же это за вопрос? Если он думал, что смерть легче, то зачем он убежал, оставивши и отечество, и народ, чтобы не подвергнуться смерти? Почему он тогда избегал ее, а теперь ищет ее? Чтобы тебе знать и отсюда в особенности, насколько уныние тягостнее смерти. Когда потряс его один только страх смерти, он естественно делал все, чтобы избежать ее. А после того как обнаружило свою природу уныние, поедая, истощая, убивая его своими зубами, сделавшись для него невыносимым, тогда, наконец, он счел, что самое тяжелое (то есть смерть) легче его.

Так и Иона, избегая уныния, прибегнул к смерти, и сам просит себе смерти, говоря: *возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить мне* (Иона 4,3). И Давид, писав псалом или от собственного своего лица, или от лица других, печалившихся, показывает то же самое: *доколе нечестивый предо мною,* – говорит он, – *я был нем и безгласен, и молчал [даже] о добром; и скорбь моя подвиглась. Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь* (Пс. 38, 2–4); страсть уныния он обозначает через тот огонь, более сильный, чем этот огонь. Поэтому, уже не перенося ударов и страданий от уныния, он говорит: *я сказал* (ст. 4). И что ты говоришь, скажи мне? И этот просит смерти, говоря: *скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой* (ст. 5). Хотя и другими словами, но теми же самыми мыслями, он говорит то, что и Илия; что сказал тот словами: *ибо я не лучше отцов моих,* на то же намекнул и этот, говоря: *скажи мне, Господи, кончину мою… дабы я знал, какой век мой.* По какой причине, говорит он, я оставлен, отхожу позже и пребываю в настоящей жизни, когда прочие отошли из этой жизни?

И до такой степени он ищет смерти, – сам ли он, или те, от лица кого он говорит, – что, хотя ее и нет еще налицо, он желает по крайней мере узнать время ее прихода: *скажи мне,* – говорит, – *кончину мою,* чтобы и отсюда извлечь себе величайшее утешение. Так то, что страшно, делается вожделенным по причине огня, воспламеняющегося в душе: *в поучении моем разгорится огонь.*

Поэтому за столь великое наказание ожидай великих возмездий, многих наград, невыразимых воздаяний, светлых и весьма цветущих венцов за столь великие состязания, потому что не только делание чего-либо хорошего, но и претерпевание какого-либо зла влечет много воздаяний и великие награды. К речи об этом, очень полезной как для тебя, так и для всех, и достаточной для того, чтобы ободрить к терпению и возбудить сердце, и не позволять ему приходить в изнеможение при трудах, сопряженных с перенесением страданий, я теперь и обращусь.

6. Итак, что уныние тягостнее всех бедствий, что оно – вершина и глава несчастий, это достаточно доказало наше слово; поэтому остается сделать сравнение добродетелей и страданий, чтобы ты ясно поняла, что вознаграждения назначены не только за добродетели, но и за страдания; и вознаграждения очень великие, и за страдания не меньше, чем за добродетели, а скорее, иногда даже большие – за страдания. Введем, если угодно, великого борца терпения, блиставшего и тем и другим, адаманта, скалу, хотя бывшего в стране Ав-ситидийской, но осветившего всю вселенную полнотой своей добродетели, и скажем как об его добродетелях, так и страданиях, чтобы тебе знать, чем он сильнее просиял.

Итак, какие его добродетели? *Дом мой,* – говорит он, – *был открыт для всякого пришедшего и был общим пристанищем для странников* (Иов. 31, 32). Почти всеми своими благами он владел для нуждающихся. *Я был,* – говорит, – *глазом слепых и ногою хромых... отцом был я для нищих и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно: и сокрушал я беззаконному челюсти, и из зубов его исторгал похищенное.* (Иов. 29,15–17). *Отказывал ли я нуждающимся в их просьбе?* (31, 16). *И не вышел никто из дверей моих тщим недром* (ст. 34).

Заметила ты различные виды человеколюбия, разнообразные пристани милостыни, заметила, как он помогает нуждающимся всяким способом? Видишь, как он облегчает бедность, покровительствует вдове, защищает обижаемых, страшен для оскорбляющих? Он показывал усердие не до такой только степени, что был готов оказать помощь и быть союзником (это свойственно многим), но и доводит дело до конца, и притом с большим рвением. *Сокрушал я беззаконному челюсти,* – говорит он, противопоставляя сварливости тех свою собственную предусмотрительность. Он противопоставил свою заботливость не только злобе людей, но даже и козням природы, исправляя ее погрешности избытком своей помощи. Так как он не мог возвратить им членов, слепым – глаз, хромым – ног, то был для них вместо членов, и те, у кого были попорчены глаза и повреждены голени – одни через него видели, другие ходили. Что могло бы быть равным этому его человеколюбию?

Ты знаешь и остальные его добродетели, – чтобы мне, перечисляя все, не удлинить речи, – снисходительность, кротость, благоразумие, справедливость; знаешь, как он, будучи суровым для поступающих несправедливо (это, конечно, удивительно), был ласков и кроток, и слаще самого меда как для всех остальных, так и для своих слуг, которые, *являя* великое доказательство любви, какою они его любили, говорил: *Кто дал бы нам от плотей его насытится?* (Иов. 31,31).

Если же он был до такой степени вожделенным и для слуг, в отношении к которым часто необходимо быть и страшным, то гораздо более он был вожделенным для всех остальных людей.

7. Итак, собравши это и больше этого, иди сюда вместе со мной к перечислению его страданий, и, сравнив, посмотрим, когда он был более славным – тогда ли, когда он проявлял те добродетели, или – когда терпел скорби, доставлявшие ему большое уныние? Итак, когда Иов был более славным? Тогда ли, когда он открывал свой дом всем приходящим, или – когда он, после того как дом обрушился, не произнес ни одного горького слова, но прославил Бога? Однако, одно было добродетель, а другое – страдание. Когда он был более сияющим, скажи мне – тогда ли, когда он приносил жертвы за детей и сближал их между собою в целях единомыслия, или – когда он, после того как они были засыпаны и окончили жизнь

самым горьким видом смерти, перенес случившееся с большой мудростью? Когда он лучше заблистал – тогда ли, когда от стрижки овец его нагревались плечи обнаженных, или – когда, услышавши, что огонь упал с неба и истребил стадо вместе с пастухами, он не смутился этим, не пришел в замешательство, но кротко снес несчастье? Когда он был более великим – тогда ли, когда пользовался здоровьем тела для защиты обижаемых, сокрушая челюсти неправедных, исторгая из зубов их похищенное ими, и был пристанищем для угнетаемых, или – когда видел тело свое, этот щит для обижаемых, съедаемым червями и, сидя на навозной куче, сам скоблил его, взявши глиняный черепок? «Тело мое одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопается и гноится» (Обливаю грудие земли гной стружа), – говорит он (Иов. 7, 5).

Хотя то все были добродетели, а это все – страдания, однако последние показали его более славным, чем первые, потому что они составляли самую трудную часть состязания, требовавшую для себя большего мужества, более энергичной души, более возвышенного разума и обладания большей любовью к Богу (чем добродетели). Вот почему, когда были только добродетели, диавол, хотя и бесстыдно и совершенно разбойнически, но все же возражал: *Разве даром богобоязнен Иов?* (Иов. 1,9). А когда приключились и несчастья, то диавол, закрывши свое лицо, обратился в бегство, не имея уже возможности прикрыться даже и тенью какого-либо бесстыдного противоречия, потому что это – вершина венца, это – высшая степень добродетели, это – ясное доказательство мужества, это – тщательнейшее напряжение мудрости. И сам этот блаженный Иов, объясняя, насколько сила уныния тягостнее смерти, называет последнюю покоем. *Спал бы,* – говорит он, – *и мне было бы покойно* (Иов. 3, 13), и просит ее себе в качестве милости, чтобы только освободиться от уныния, говоря: *О, когда бы сбылось желание мое и чаяние мое исполнил Бог! О, если бы благоволил Бог сокрушить меня, простер руку Свою и сразил меня!* (Иов. 6, 8-10). До такой степени уныние тяжелее всего; а чем оно тяжелее, тем большими сопровождается оно и воздаяниями.

8. А чтобы ты узнала и с другой стороны, сколь велика выгода от страданий, даже если бы кто-нибудь пострадал и не из-за Бога (и никто да не считает этого преувеличением), а все-таки страдал бы и переносил бы благородно и кротко, за все прославляя Бога, – обрати внимание на то, что сам он не знал, что терпел это из-за Бога, однако за это награждался венцом, так как, и не зная причины несчастий, переносил их мужественно.

И Лазарь, подвергшись недугу (это, конечно, ему случилось претерпеть не из-за Бога), так как всецело претерпел, показал стойкость и мужественно перенес отсутствие тех, кто прислуживал бы ему, перенес уныние, производимое язвами, голодом, презрением и жестокостью со стороны богача, – ты знаешь, сколь великие он получил венцы. Между тем, мы ничего не можем сказать об его добродетели – ни того, что он жалел бедных, ни того, что помогал обижаемым, и делал что-нибудь хорошее в этом роде, а знаем только об его лежании при воротах богача, о болезни, языках собак, презрении к нему со стороны богача, что все относится к испытыванию несчастий. И все же хотя он и не совершил чего-либо благородного, он получил тот же самый удел, что и патриарх, совершивший столь много дел добродетели, получил только за то, что мужественно переносил уныние, производимое страданиями.

После этого я желаю сказать и о другом, что хотя и кажется странным, однако истинно: именно, если кто совершит весьма хорошее и благородное дело, но без труда, опасности и страданий, тот не получает какой-либо большой награды. *Каждый получит свою награду по своему труду* (1 Кор. 3, 8), не сообразно с величиной добродетельного поступка, а соответственно тяжести претерпенного им. Вот почему и Павел, хвалясь, хвалится не только доброй деятельностью и совершением чего-либо благородного, но и перенесением несчастий. Произнесши слова *Христовы служители?* (*в безумии говорю:*) *я больше* (2 Кор. 11, 23) и стараясь путем сравнения показать свое превосходство над ними, он не сказал: Столь

многим и столь многим я проповедовал, но, пропустив, что совершил он добродетельного, исчисляет страдания, какие потерпел он, говоря: *Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов]без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и ж, аж, де, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей]* (2 Кор. 11, 23–28).

9. Видишь ряд страданий и поводы к похвальбе? Затем он присоединяет к ним дела добродетели, но и здесь опять большее превосходство принадлежит страданию, а не подвигам добродетели. Сказав: *нападение на меня ежедневно,* то есть говоря о постоянных заключениях в тюрьму, беспокойствах, опасностях (это и значит выражение *нападение на меня*), он присоединил: *забота о всех церквах* (попечение всех церквей) (2 Кор. 11, 28). Не сказал: *исправление,* но: *попечение,* что более относилось к страданию, чем к делам добродетели. Подобным образом и следующие слова: *кто изнемогает,* – говорит он, – *и не изнемогаю?* (ст. 29). Не сказал: «исправляю», но: *изнемогаю,* и опять: *Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* Не сказал: я освободил от соблазна, но: я сделался участником в унынии. Потом, показывая, что все это в особенности сопровождается наградами, присоединил: *Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею* (ст. 30). Дальше опять прибавляет в том же роде: бегство через окно, с помощью корзины, по стене, – а это опять было страдание. Итак, если страдания несут великие награды, а уныние тягостнее и мучительнее всяких страданий, то подумай, сколь велики воздаяния. Не перестану постоянно повторять тебе это, чтобы исполнить теперь то, что я пообещал вначале, именно, чтобы из самого уныния заимствовать размышления, которые рождали бы тебе облегчение уныния.

А чтобы ты и с другой стороны поняла, как прекрасно делать что-нибудь со страданиями и сколь далеко от этого исполнять то же самое без труда, прими к сведению следующее. Навуходоносор, царь вавилонский, владевший царскими скипетрами и диадемами, некогда возвестил слово благовестия, именно: после события в печи и известного чуда он принял на себя дело проповеди во вселенной, не только языком, но и письмами, и во все стороны земли писал так: *Навуходоносор царь всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле. Знамения и чудеса, какие совершил надо мною Всевышний Бог, угодно мне возвестить вам. Как велики знамения Его и как могущественны чудеса Его! Царство Его – царство вечное, и владычество Его – в роды и роды* (Дан. 3, 98-100). И сделал постановление, что всякий народ, племя, язык, если скажет даже слово против Бога Сидраха, Мисаха и Авденаго, погибнет, и дом его предан будет разграблению. И присоединяет: *ибо нет иного бога, который мог бы так спасать* (ст. 96).

Видишь угрозу в письмах? Видишь страх? Видишь наставление? Видишь высокого вестника и письма, рассеянные по всей вселенной? Итак, что же, скажи мне? Получит ли он одну и ту же награду с апостолами за то, что таким образом возвестил о силе Бога, за то, что проявил такое великое усердие всюду возвестить слово? Не получит даже и самой незначительной части ее, но меньшую последней в бесконечной степени. Однако, он совершил то же самое дело, что и они. Но так как здесь нет сопряженного с благовестием труда и страданий, то и воздаяние уменьшается.

Один делал это, опираясь на власть и без опасения, а другие, совершая проповедь, встречали препятствия, были гонимы, подвергались мучению, бичеваниям, бедствовали, были низвергаемы, бросаемы в море, изнуряемы голодом, ежедневно умирали, терзаясь душой своей, болея с каждым из больных, воспламеняясь с каждым из соблазняющихся;

вот за эти труды, и в особенности за уныние, и были им назначены очень большие награды. *Каждый,* – говорится, – *получит свою награду по своему труду* (Кор. 3, 8); не перестану постоянно повторять этого.

Вот почему человеколюбивый Бог, несмотря на то, что Павел часто молил освободить его от страданий и уныния, и скорби, и опасностей, не исполнил его желания. *Трижды молил я Господа о том,* – говорит Павел (2 Кор. 12, 8), и не имел успеха в просьбе.

В самом деле, за что он должен был получить величайшие награды? За то, что проповедовал без труда, проводя спокойную и радостную жизнь? За то, что раскрывал рот и, сидя дома, приводил в движение язык? Но это было бы легко и первому встречному, и человеку очень ленивому, и ведущему жизнь изнеженную и распущенную. А теперь вполне, несомненно, получит воздаяния и венцы за раны, за разные виды смерти, за бегство по земле и по морю, за самое уныние, за слезы, за скорби (*три года,* – говорится, – *день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас;* – Деян. 20, 31).

10. Итак, соображая и помышляя о том, как велика польза от скорбной и полной труда жизни, радуйся и веселись, так как ты с юного возраста шла по пути прибыльному и полному бесчисленных венцов и среди беспрерывных и сильных страданий. В самом деле, тебя не переставала постоянно осаждать болезнь тела различных видов и свойств, болезнь более тяжелая, чем бесчисленные виды смерти; бесчисленные ругательства, оскорбления и доносы и клеветы не переставали устремляться против тебя; сильные (наконец) и непрерывные приступы уныния и источники слез постоянно обеспокоивали тебя. Каждое из этих (страданий) само по себе было в состоянии принести большую пользу претерпевшим. Так Лазарь из-за одной только болезни получил одинаковый удел с патриархом, и злословие фарисея принесло мытарю оправдание, которое превосходило оправдание фарисея; равным образом и глава апостолов слезами излечил язву своего тяжкого греха. Итак, когда каждое из вышеуказанных страданий, даже и в отдельности только взятое, кажется достаточным (для принесения страдальцу большой пользы), то подумай, сколь великие награды получишь сама ты, претерпевши все вместе страдания с большим превосходством, и притом перенося их постоянно.

Ничто ведь, ничто не делает людей так славными и достойными удивления, и ничто так не преисполняет бесчисленных благ, как множество искушений, опасности, труды, скорби уныния, постоянные козни даже и со стороны тех, от кого никоим образом не следовало бы этого ожидать, если все это притом кротко переносится.

Так и сына Иакова ничто не сделало так блаженным и славным, как тогдашняя клевета, темница, и узы, и происшедшее отсюда несчастье. Конечно, велика и добродетель его целомудрия, когда он одержал верх над египетской распущенностью и оттолкнул от себя ту жалкую женщину, призывавшую его к беззаконному сожительству; но не так велико это, как страдания. В самом деле, что похвального, скажи мне, не совершить прелюбодеяния, не разрушить чужого брака, не осквернить брачного ложа, отнюдь ему не принадлежащего, не причинить обиды своему благодетелю и не покрыть позором дома своего начальника?

Но что сделало его великим это, главным образом, опасность, злоумышление, неистовство плененной страстью женщины, причиненное ему насилие, неизбежная тюрьма спальни, которую приготовила ему прелюбодейка, сети, которые она повсюду расставила, обвинение, клевета, темница, узы, отведение его в противность всякой справедливости после столь великого подвига, за который должно было бы его увенчать, в крепость в качестве осужденного и подлежащего ответственности и заключение его вместе с самыми последними преступниками, грязь, железные цепи, бедствие тюрьмы.

Я вижу, что он тогда сиял больше, чем – когда, сидя на египетском престоле, раздавал нуждающимся хлеб, уничтожал голод и делался общею пристанью для всех. Тогда я вижу его

более сияющим, когда его обнимали цепи на ногах и оковы на руках, чем когда в блестящих одеждах он был облечен столь великим могуществом.

Одно время было временем труда и деятельности, – я говорю о времени темницы, – а другое временем роскоши и отдохновения от напряжений и чести, которое доставляло большое удовольствие, но не большую прибыль.

Вот почему я не так ублажаю его, когда он был почитаем отцом, как прославляю, когда ему завидовали братья и когда он имел сожителями врагов. И в самом деле, с юного его возраста была возбуждена против него тяжкая война из отцовского же дома, когда враждовавшие хотя и не могли ни в чем его обвинить, но томились и разрывались от злобы вследствие того, что он пользовался большим расположением со стороны отца, – впрочем законодатель Моисей сказал, что эта сила любви свое начало вела не от добродетели сына, но от времени его рождения. Так как он был рожден после остальных детей и в глубокой старости отца (а такие дети вожделенны, потому что они рождаются сверх ожидания), поэтому и был любим. *Любил его отец,* – говорится, – *потому что он был сын старости его* (Быт. 37, 3).

11. А написал это законодатель, как я думаю, повествуя не о том, что было, но указывая лишь предлог и отговорку отца. Так как он стал замечать, что мальчику завидуют, то, желая ослабить страсть братьев, выдумал причину любви, которая не рождала бы большой к нему зависти. Что действительно не это было причиной нежной любви, а процветающая добродетель души, более зрелая, чем возраст, ясно из отношений Иакова к Вениамину.

В самом деле, если бы тот был любим по этой причине, то гораздо более следовало бы быть любимым тому, кто был моложе его. Ведь он был рожден после Иосифа, и скорее этот был для него сыном старости. Но, как я и сказал, это был вымысел отца, желавшего прекратить братскую войну; однако, и таким образом он был не в силах достигнуть цели, напротив, пламя разгоралось еще сильнее. И так как до поры они ничего не были в силах сделать, то наносили ему гнусное бесчестие, возводили постыдное обвинение; таким образом, братья предупредили варварскую женщину и явились гораздо худшими, чем она. Та была бесчестной в отношении к чужому, а эти в отношении к брату. Даже и здесь они не остановились в проявлении своей порочности, но вели борьбу все дальше и дальше, и, взявши одного в пустыне, хотели убить, затем продали, сделали рабом вместо свободного, и притом продали в самое горькое рабство. Ведь даже и не иноплеменникам каким-нибудь отдали они брата, а варварам, говорившим другим языком и уходившим в варварскую страну. Бог же, намереваясь сделать его более славным, выносил, когда это происходило, и долго терпел, когда одни опасности сменяли другие. После зависти и постыдной клеветы они предали его убиению и рабству, более тяжелому, чем убиение.

Не пробеги с небрежностью мимо того, что сказано, но поразмысли, каково было благородному мальчику, воспитанному в отцовском доме со всякой свободой, с такой любовью отца, вдруг быть проданным братьями, которые ни в чем не могли его обвинить, и быть выдану иноплеменникам иноязычным и свирепым, которые скорее были зверями, чем людьми; каково было сделаться ему изгнанником и переселенцем, рабом и чужеземцем вместо свободного и гражданина, и, насладившись столь великим счастьем, впасть в самое крайнее бедствие рабства, будучи совершенно к нему непривычным, получить самых жестоких господ и быть отведенным в чужую и варварскую землю.

Но и здесь несчастия не остановились; напротив, после тех дивных сновидений, предвозвещавших поклонение ему братьев, опять одни злоумышления сменили другие. В самом деле, эти купцы, взявши его, не удержали у себя, но опять продали его другим, худшим варварам. Ты знаешь, что значит – в рассуждении несчастья – выменивать одних господ на других. Когда приобретающие опять чужеземцы, и притом более суровые, чем прежние владельцы, то это делает рабство более тяжким.

Таким образом, он оказывается в Египте, том Египте, который тогда вел войну с Богом и неистовствовал, откуда являлись бесстыдные уста, откуда богохульные языки. И он оказывается у египтян, из которых и один только был в состоянии сделать великого Моисея беглецом и изгнанником. После того, как он там немного успокоился, так как человеколюбивый Бог, чудно устрояющий дела, сделал дикого зверя, купившего его, овцой, тотчас опять начали приготовляться для него арена, ристалище, и борьба, и состязания, и труды, более сильные, чем прежние.

Госпожа, увидевши его беззаконными глазами и покоренная красотой его лица, и совсем плененная страстью, вследствие этого необузданного любовного влечения к нему сделалась львицею вместо женщины. И опять врагом был сожитель, имея к тому предлог противоположный предлогу прежних его врагов, потому что те выгнали его из дома по ненависти, а эта – любя и сжигаемая страстью к юноше; и произошла двойная, лучше же, тройная и многообразная война. В самом деле, ввиду того, что он перепрыгнул через сети и в краткий момент времени рассек петлю, не подумай, что он совершил этот подвиг без труда: он вытерпел действительно великий труд.

12. И если хочешь ясно понять и это, поразмысли, что такое молодость и цветущая пора юности. Он был тогда в самом цветущем возрасте, когда пробуждается очень сильное пламя природы, когда поднимается большая буря страсти, когда рассудок делается более слабым. Ведь души юношей ограждают себя не очень большим благоразумием и не проявляют большого рвения к добродетели; между тем буря страстей бывает очень тяжкой, а управляющий страстями рассудок – слабым. Вместе же с природой и возрастом была к тому же сильная необузданность и женщины. И подобно тому, как те персидские руки зажигали с большим усердием вавилонскую печь, доставляя огню обильную пищу и бросая в пламень разнообразные воспламеняющие средства, – так точно и тогда та жалкая и несчастная женщина зажигала пламя более тягостное, чем та печь, – женщина, от которой пахло благовониями, которая околдовывала юношу подрумяненными щеками, подкрашенными глазами, изнеможенным голосом, движениями, сладострастной походкой, мягкими одеждами, золотыми украшениями и другими подобными бесчисленными чарами. Как искусный охотник, намереваясь овладеть трудноуловимым животным, пускает в ход все орудия своего искусства, так точно и она, зная целомудренность юноши (потому что в течение такого времени она не могла оставаться незамеченной), пришла к решению, что для пленения юноши ей нужно большое вооружение, и потому употребляла в дело все оружия необузданности.

Даже и этими одними она не довольствовалась, но выжидала удобного времени и места, удобного для охоты. Поэтому, плененная страстью, она не тотчас сделала нападение, но ждала долгое время, страдая этою бесчестной страстью и приготовляясь, боясь, чтобы вследствие поспешности и небрежно обдуманных ее замыслов добыча не ускользнула. И однажды, найдя его одного только в доме, исполнявшего обычные дела, она, наконец, копает глубочайшую пропасть и, отовсюду распростерши крылья удовольствия, как бы уже имея юношу в сетях, входит, напав одна на одного; лучше же – не одна, потому что она имела себе помощниками и возраст, и природу, и свои орудия; наконец, она насильно влечет этого благородного юношу к беззаконному делу. Что тяжелее этого искушения? Какой печи и пламени не сильнее это, – чтобы цветущий юноша, раб, одинокий, изгнанный из отечества, чужеземец, переселенец, захваченный в таком уединении (потому что и это также ведет к таковому пленению) столь сладострастной и неистовствующей госпожою, столь богатой и облеченной таким великим могуществом, был ею удерживаем, и обольщаем, и ведом к господскому ложу, и это после столь великих опасностей и злокознений?

Ведь ты знаешь, что большинство людей, когда случится быть искушенными бедствиями и находиться в несчастьях, а потом призванными к роскоши и покою и жизни изнежен-

ной и распущенной, бегут на зов очень охотно. Но не таков этот; напротив, он твердо стоял, во всем показывая свою твердость.

Я смело мог бы назвать равными между собой эту спальню и вавилонскую печь, и Даниилов ров со львами, и чрево морского зверя, в которое попал пророк, скорее же, я назвал бы ее даже гораздо более тяжелой, чем те. Там победа со стороны злоумышления была погибелью тела, здесь же – совершенной гибелью души и смертью бессмертной, несчастьем, не имеющим облегчения. Здесь был не только опасный этот ров, но и то, что вместе с насилием и коварством (эта спальня) была полна великого ласкательства, сильного и различного, многообразного огня, не тело жгущего, но сжигающего самую душу.

Указывая на это самое, Соломон, который в особенности точно знал, каково сходиться с женщиной, имеющей мужа, говорит: *Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не будет оставлен без наказания* (Притч. 6, 27–29). Смысл его слов таков: как невозможно, говорит он, чтобы кто-нибудь, находясь в огне, не горел, так невозможно и то, чтобы кто-нибудь, находясь в связи с женщинами, избежал происходящего отсюда воспламенения. Этот же перенес то, что было гораздо более тяжело. Сам он не коснулся ее, но той был удерживаем, схваченный один только одной, и это после того, как он был приведен в изнеможение столь великими уже бедствиями, изнурен такими злыми кознями и желал успокоения и безопасности.

13. И все-таки, находясь в таких сетях и видя, что на него нападает многообразный зверь и всячески терзает его – прикосновением, голосом, глазами, румянами, подкрашиванием, посредством золотых вещей, благовоний, одежд, обращений, слов, наряда, в который она была облечена, посредством одиночества, посредством того, что это оставалось скрыто от других, посредством богатства, могущества, посредством того, что эта женщина вместе с тем имела своим союзником, о чем я прежде сказал, возраст, природу, рабство, пребывание его в чужой стране, – он победил все то пламя.

Я говорю, что это искушение много тяжелее и зависти братьев, и родственной ненависти, и продажи, и власти варваров, и длинного путешествия, и пребывания в чужой земле, и темницы, и уз, и продолжительного времени, и бывшего здесь бедствия; подлинно, опасность превышала крайние пределы. А после того как он избежал и этой войны, и повеял здесь исполненный росы ветер, явившийся как по благодати Божией, так и вследствие добродетели юноши, – а у него было столько спокойствия и целомудрия, что он постарался положить конец ее бешенству, – после того как, говорю, он вышел неприкосновенным, подобно юношам, избежавшим персидского племени – *и даже запаха огня не было от них,* – говорится (Дан. 3, 94); после того как показал себя великим борцом целомудрия и уподобился адаманту, посмотрим, чего он тотчас вкусил, и какие награды следуют за победителем. Опять злые козни и пропасти, смерть и опасности, клевета и безрассудная ненависть.

В самом деле, та жалкая женщина удовлетворяет тогда любовь гневом, и страсть соединяет со страстью, к бесстыдному влечению присоединяет беззаконный гнев, и после прелюбодеяния делается и человекоубийцею. Дыша крайней свирепостью и смотря кровожадными глазами, она учреждает развращенный суд, ставит судьею господина того юноши, своего собственного мужа, варвара, египтянина, и вносит обвинение без свидетеля. Она не позволяет обвиняемому даже и войти в судилище, но обвиняет без опасения, полагаясь на безрассудство и благосклонность к ней судьи, на достоверность, внушаемую ее собственным лицом, и на рабское положение обвиняемого, и, сказав противоположное тому, что было на самом деле, она победила судью и склонила его вынести согласный ее желаниям приговор, осудить невинного и наложить тягчайшее наказание, и тотчас – темница, заключение и узы. И тот достойный удивления муж был осужден, даже и не увидев судьи. И что было особенно

тягостно, он осуждался как прелюбодей, как пожелавший господского ложа, как осквернивший чужой брак, как пойманный, как изобличенный. И судья, и обвинительница, и последовавшее наказание делали то, что это деяние во мнении большинства людей, не знавших истины, казалось достойным доверия.

Но ничто это не смутило юношу, и он не сказал: «Это ли ответы на сновидения? Это ли конец тех видений? Это ли награды за целомудрие? Безрассудный суд, несправедливый приговор, и опять бесчестная молва! Как распутник, я был выгнан недавно из отцовского дома, как прелюбодей и осквернивший целомудрие женщины, теперь ввожусь в темницу, и все думают так обо мне. И братья, которые должны бы покланяться мне (потому что так вещали сновидения), находятся на свободе, в безопасности и неге, в отечестве и отцовском доме, а я, который должен бы царствовать над ними, связан здесь вместе с расхитителями гробниц, вместе с разбойниками, вместе с ворами; и после изгнания из отечества я не освободился от беспокойств и неприятностей, но и в чужой земле опять следуют за мной пропасти и изостренные мечи. Тогда как сделавшая это и оклеветавшая меня, и за каждый из обоих дерзких поступков заслуживавшая бы казни, теперь ликует и торжествует, как бы увенчанная трофеями и блестящими наградами за победу, я, ни в чем не поступивший несправедливо, подвергаюсь крайнему наказанию».

Ничего подобного не сказал он и не подумал; но как борец, шествующий среди венков, он радовался и веселился, не питая злобы ни к братьям, ни к прелюбодейке. Из чего это видно? Из того, что он сам однажды говорил одному из тех, кто там был в это время связан. Он до такой степени был далек от пленения унынием, что рассеивал печали и у других. В самом деле, когда он увидел, что некоторые там смущены, расстроены и печалятся, он тотчас подошел, чтобы узнать причину. И узнав, что беспокойство происходит вследствие виденных снов, истолковал сновидения. Потом, прося напомнить царю относительно его освобождения, – потому что хоть он и был благороден, и достоин удивления, но все же был человек и не желал страдать в тех узах, – итак, прося напомнить о нем перед царем и убедить последнего освободить его из оков, и вынуждаемый при этом сказать и о причине, по которой он был ввержен в темницу, чтобы и тот, прося за него, имел благовидный предлог к защите его, он не вспомнил ни о ком из своих обидчиков, но, освободивши себя самого от обвинений, на этом только и остановился и не указал погрешивших против него. *Я,* – говорит он, – *украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу* (Быт. 40, 15). И ради чего не говоришь ты о блуднице, прелюбодейке, братоубийцах, зависти, продаже, неистовстве госпожи, нападении, ее распущенности, сетях, хитрости, клевете, неправом суде, развращенном судье, беззаконном решении, приговоре, не имеющем основания? Почему ты молчишь об этом и скрываешь? Потому что я не умею помнить зла, говорит он, так как это для меня служит венцами и наградами, и основаниями к вящшей пользе.

14. Видишь любомудрую душу? Видишь душу чистую от гнева и высшую сетей? Видишь, как он больше сострадает обидчикам, чем помнит зло? Чтобы не выдать ни братьев, ни той плотоядной женщины, он говорит: *украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал.* И нигде он не вспоминает ни о лице, ни о рве, ни об измаильтянах, ни о чем-либо другом. Но и после этого все-таки на его долю выпало необыкновенное испытание. Получивший от него столь великое утешение и освобожденный, согласно с его предсказанием, от уз и призванный к прежней чести, забыл о благодеянии и просьбе праведного. И один был слугой в царских дворцах, наслаждаясь большим счастьем, а другой, сияя светлее солнца и испуская столь блестящие лучи добродетели, жил еще в темнице, и не было никого, кто бы напоминал о нем царю.

Так надлежало, чтобы ему были сплетены еще большие венцы и были приготовлены еще ценнейшие награды. Вот почему тогда устраивались и более длинные пути для бегов, по изволению Бога, Который хотя и позволял оставаться местам борьбы, однако не совсем

покидал его в опасности, а соизволял злоумышляющим обнаруживать свои козни лишь настолько, насколько нужно было, чтобы не уничтожить и борца, а равно не устранить и противника добродетели. Так, хотя Он попустил, чтобы юноша был ввергнут в ров, чтобы была окровавлена его одежда, однако не позволил братьям дойти до убийства; правда, это присоветовал один из братьев, но все, однако, произошло согласно божественному провидению. То же случилось и в истории с египетской женщиной.

Почему, в самом деле, скажи мне, столь пылкий и необузданный человек (вы ведь знаете племя египтян), гневливый и сердитый (ведь и эта страсть присуща им с избытком), не убил и не предал тотчас же огню того, который, как он верил, был прелюбодей и оскорбил его жену? Почему он, будучи до такой степени безрассудным, что объявил приговор на основании показаний только одной стороны и не дал обвиняемому права слова, проявил во время наказания большую снисходительность – и это тогда, когда видел, что жена неистовствует, беснуется, оплакивает нанесенное ей насилие, носит разорванные одежды и оттого еще сильнее воспламеняется и плачет и вопит? И все-таки, ничто из этого не побудило его к убийству. Как это возможно, скажи мне? Не очевидно ли, что Кто обуздал львов и охладил печь, Тот сдержал безмерный гнев и этого зверя и угасил лютое его негодование, чтобы, соответственно этому, умерилось и наказание? То же случилось, как можно видеть, и в темнице. Бог попустил, чтобы Иосиф был связан и находился вместе с осужденными, однако исторг его от жестокости тюремщика. Ты знаешь, что такое тюремщик; но к Иосифу тогда он был милостив и кроток, и не только не угнетал его какими-нибудь трудами, но даже сделал начальником над всеми бывшими там, и это после того, как принял его в качестве прелюбодея осужденного, и прелюбодея отменного, – потому что деяние это, думали, было дерзко предпринято в отношении к дому не ничтожному, но великому и блестящему. Однако, ничто это не устрашило тюремщика и не заставило его быть к юноше суровым. Так и венцы сплетались страданиями, и помощь Божия притекала с великим изобилием.

Я хотел бы написать письмо еще длиннее, но так как и это, думаю, слишком превзошло меру, то, закончив здесь речь, я убеждаю твое благочестие, о чем я и всегда просил, удалять от себя уныние, прославлять Бога, что ты всегда совершала и постоянно совершаешь, принося Ему благодарение за все эти тягости и горести. Таким образом и сама ты приобретешь величайшие блага, и диаволу нанесешь смертельный удар, и нам доставишь большое утешение, и будешь в состоянии удалить облако уныния с большой легкостью и насладиться невозмутимым покоем. Итак, не ослабевай, но, освободившись от этого дыма (потому что, если захочешь, рассеешь все это уныние легче дыма), опять извести нас об этом, чтобы мы, находясь и вдали от тебя, получили от такого письма большую радость.

Письмо четвертое

Святитель извещает Олимпиаду, что несмотря на суровость зимы, он находится в добром здоровье. – Совет Олимпиаде не пренебрегать ничем для своего излечения. – Польза от страданий, причиняемых болезнью. – Примеры Иова, Лазаря, Тимофея. Увещание ей изгнать из своей души удручающую ее скорбь.

1. Нисколько не беспокойся за нас ввиду суровости зимы, болезни нашего желудка и набегов исаврян, и не мучь себя заботами. Зима была, как обыкновенно бывает в Армении; больше нельзя сказать ничего, и нам она не особенно вредит. Мы ведь, предвидя ее, принимаем меры, чтобы устранить происходящий отсюда вред: постоянно зажигаем огонь, всячески загораживаем комнату, где остаемся, пользуясь коврами, и все время остаемся дома. Правда, нам это неприятно, но, ввиду проистекающей отсюда пользы, можно сносить, потому что, пока мы остаемся дома, не особенно мучаемся от холода; а когда бываем вынуждены чуть выйти и побыть на свежем воздухе, причиняем себе немалый вред.

Поэтому и твою честность умоляю, и как величайшей милости прошу, больше заботиться об излечении болезни твоего тела. Правда, и уныние производит болезнь: но когда еще и тело исстрадалось, и совершенно ослабело, и остается в большом пренебрежении, не пользуется ни врачами, ни благорастворенностью воздуха, ни обилием необходимых вещей, то сообрази, что отсюда бывает немалое приращение опасности. Поэтому прошу твою честность пользоваться и разными опытными врачами, и лекарствами, которые могут устранять такого рода болезни.

Так и мы за несколько дней перед этим, когда, вследствие состояния воздуха, желудок у нас был расположен ко рвоте, воспользовавшись и другими родами попечения, а равно лекарством, присланным от госпожи моей, благопристойнейшей Синклитии, устранили болезнь, не встретив при этом нужды употреблять его больше трех дней. Поэтому прошу тебя и самой пользоваться им, и позаботиться, чтобы нам опять послали его, потому что когда мы снова стали чувствовать расстройство, то опять воспользовались им и все исправили. Действительно, оно успокаивает внутренние воспаления, вытягивает влагу, снабжено в подобающей мере теплотой, влагает необычайную бодрость и возбуждает позыв к пище, – доказательство всему этому оно дало нам в несколько дней. Поэтому, постарайся упросить господина моего, почтеннейшего Феофила комита, чтобы он опять приготовил и прислал его нам.

Пусть не печалит тебя то, что мы здесь зимуем, потому что теперь мы чувствуем себя гораздо легче и здоровее, чем в прошлом году; если бы и ты сама проявляла подобающую о себе заботу, то чувствовала бы себя гораздо лучше. Если же говоришь, что болезни у тебя родились от уныния, то зачем опять требуешь от нас писем, когда нисколько не воспользовалась ими для приобретения хорошего расположения духа, но до такой степени предалась власти уныния, что желаешь даже теперь переселения из этой жизни?

Разве ты не знаешь, какая великая награда назначена для благодарной души и за болезнь? Разве не часто я беседовал с тобой относительно этого предмета, и когда находился вместе с тобою, и через письма? Но так как, может быть, или множество дел, или самая природа болезни и непрерывные несчастья не дозволяют тебе держать сказанное постоянно в свежей памяти, то послушай, как мы станем напевать опять то же самое язвам твоего уныния: *Писать вам о том же,* – говорит Апостол, – *для меня не тягостно, а для вас назидательно* (Флп. 3, 1).

2. Итак, что я и говорю, и пишу? Для стяжания славы, Олимпиада, нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях. Подлинно, эта добродетель – царица благ по преимуществу и вершина венцов; и подобно тому, как оно царствует над остальными добродетелями, так точно и в нем самом в особенности этот вид блистательнее прочих.

Сказанное, быть может, неясно; поэтому поясню его. Итак, что же такое я говорю? Ни потеря имущества, даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имел, ни лишение чести, ни изгнание из отечества и отведение в чужую страну, ни мучение трудом и работой, ни жизнь в темнице, ни пребывание в узах, ни порицания, бранные речи и насмешки, – не сочти, в самом деле, мужественного перенесения всего этого даже и за малый вид терпения; а что это так, показывает Иеремия, столь великий и славный муж, который немало был смущен этим искушением (Иер. 15), – но продолжаю: ни это все, ни потеря детей, даже если бы они были похищены все разом, ни непрерывно наступающие враги, никакое другое подобного рода бедствие, даже и самая вершина того, что считается печальным, – смерть, до такой степени страшная и ужасная, не так тяжела, как телесный недуг. Показывает это величайший борец терпения, который, после того как впал в телесную болезнь, считал смерть освобождением от теснивших его несчастий и, когда терпел все другие напасти, не чувствовал, хотя и получал удары один за другим и последний из них смертельный.

Не маловажным ведь, а напротив, делом самой крайней злобы против него было то, чтобы человеку немолодому и не впервые теперь лишь выступающему на состязания, но уже изнуренному множеством следовавших друг за другом стрел, нанести смертельный удар через гибель детей и удар до такой степени тяжелый, чтобы погубить детей обоих полов и всех разом, в раннем возрасте и насильственной смертью, и в самом роде смерти приготовить им внезапную могилу.

В самом деле, он не увидел их ни лежащими в постели, не лобызал ни рук их, не слышал ни последних слов, не прикоснулся ни к их ногам и коленам, не сомкнул уст, не закрыл глаз их, когда они умирали, между тем это немало содействует утешению отцов, лишающихся своих детей; он не проводил в могилу раньше одних, найдя в других, по возвращении, утешение своей скорби по умершим, – нет, он услышал, что все они были засыпаны во время пира, изобиловавшего не пьянством, а любовью, за трапезой братской любви, возлежа на ложе, и все смешалось вместе – кровь, вино, бокалы, кровля, трапеза, пыль, члены детей.

И все-таки, когда он услышал об этом и прежде того об остальных несчастьях, которые были тяжки и сами по себе, потому что и (все прочее) несчастным образом погибло – и стада овец, и все стада скота; одни, как говорил злой вестник печального происшествия, были истреблены ниспавшим небесным огнем, другие все разом были похищены различными неприятелями и убиты вместе с самими пастухами; и все-таки, говорю, видя такую бурю, разразившуюся в один миг над полями, над домом, над животными, над детьми, видя волны, следующие одна за другой, непрерывные утесы, глубокий мрак и невыносимый напор волн, он не поддавался унынию и почти не замечал происшедшего, разве лишь настолько, насколько он был человек и отец. Но когда он был предан болезни и язвам, тогда стал искать и смерти, тогда начал и плакать и сетовать, чтобы ты поняла, что это всего тяжелее и представляет высочайший вид терпения. Небезызвестно это и самому злому демону. Вот почему, когда он, употребив все те средства, увидел, что борец остается невозмутимым и спокойным, то устремился к этому величайшему состязанию, говоря, что все остальное выносимо – лишится ли кто дитяти, или имущества, или чего-нибудь другого (потому что это обозначается словами *кожу за кожу* – Иов. 2, 4), а смертельный удар тот, когда кто получит в удел страдания телесные. Вот почему, когда он был побежден после этой борьбы, он не мог и голоса поднять, хотя прежде спорил крайне бесстыдно. Здесь же, говорю, и он уже не нашел возможным выдумать чего-нибудь бесстыдного, но удалился с закрытым от стыда лицом.

3. Но если тот желал смерти, не вынося страданий, то не думай, что это для тебя служит оправданием в желании самой смерти. В самом деле, поразмысли, когда тот желал и при каком положение дел, а именно, когда закон не был дан, пророки не являлись, благодать в такой степени не была излита, и сам он не получил участия в других родах целомудрия.

Что действительно от нас требуется больше, чем от живших в то время, и что нам над-лежат более трудные подвиги, послушай, как говорит об этом Христос: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). Поэтому не думай, что желание смерти теперь свободно от вины, но слушай голоса Павла, который говорит: *разрешиться и быть со Христом… несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1, 23–24). Чем больше усиливаются мучения, тем больше увеличиваются и венцы; чем больше обжигают золото, тем чище оно становится; чем обширнейшее море переплывает купец, тем больше собирает он товаров.

Итак, не подумай, что тебе предлежит малое состязание, – нет, подлежит более высокое, чем все то, что ты претерпела, разумею состязание по поводу болезни тела. Так и Лазарю (хоть я и часто говорил тебе это, но ничто не мешает сказать то же и теперь) этого было достаточно для спасения (Лк. 16); и в недра того, кто открывал дом для приходящих, кто по повелению Божию постоянно был переселенцем, и кто заклал родного сына, единородного, данного в глубокой старости, отошел тот, кто не сделал ничего подобного, так как он легко перенес бедность и болезнь, и отсутствие покровителей.

Для тех, кто благородно переносит что-нибудь, это, действительно, столь великое благо, что Бог, если найдет кого согрешившим весьма тяжко, освобождает от тяжелого бремени грехов; а если найдет украшенного добродетелями и праведного, то и для того делается прибавка не малого, но даже и очень великого дерзновения перед Ним. Так страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших. Вот почему обесчестившего отцовский брак и осквернившего его ложе Павел предает на погибель плоти, очищая его этим способом.

Что происшедшее действительно служило очищением от столь великого позора, послушай, что говорит Апостол: *чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5). И обвиняя других в ином ужаснейшем грехе, именно, недостойно вкушавших Святой Трапезы и тех неизреченных Тайн, и сказав, что таковой *повинен будет Телу и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27), смотри, как, говорит он, и они очищаются от этого тяжелого греха; он говорит так: *от того многие из вас немощны и больны* (ст. 30). Показывая затем, что дело у них не ограничится этим наказанием, а что будет некоторая выгода отсюда – освобождение от дачи отчетов за этот грех, он прибавил: *Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (ст. 31–32).

А что и люди, совершившие великие добродетели, получают отсюда большую пользу, это ясно как из жизни Иова, который по этой причине засиял сильнее, так и из жизни Тимофея, который, будучи столь прекрасным и получив столь великое служение, и вместе с Павлом облетая вселенную, страдал недугом не два или три дня, не десять, не двадцать, не сто, а непрерывно в течение многих дней, когда тело у него изнемогло в очень сильной степени. Указывая на это, Павел говорил: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). И тот, кто воскрешал мертвых, не исцелил его немощи, но оставил его в горниле болезни, чтобы и отсюда для него собралось величайшее богатство дерзновения. Чего сам он вкусил от Господа и чему был наставлен от Него, тому он учил и ученика, потому что если сам и не впадал в болезнь, то искушения, однако, мучили его не меньше болезни и приносили плоти большое страдание. *Дано мне,* – говорит он, – *жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня* (2 Кор. 12, 7), разумея удары, оковы, узы, темницы, то, что его часто водили, терзали и мучили бичами палачи. Вот почему он, не вынося страданий,

приключающихся благодаря этому с телом, говорил: *Трижды молил я Господа о том* (под *трижды* разумея здесь: «часто»), чтобы освободиться от этого пакостника (ст. 8). Потом, когда не получил просимого, он понял пользу этого, успокоился и радовался по поводу происходящего.

Так и ты, хотя и остаешься дома и пригвождена к постели, не думай, что ведешь праздную жизнь, потому что, имея постоянного и вместе с тобою живущего палача, – эту чрезмерную болезнь, ты терпишь страдания, более тяжкие, чем те, когда кого влачат, терзают и мучат палачи, и кто когда терпит самые крайние бедствия.

4. Итак, не желай теперь смерти и не пренебрегай заботами о своем теле, потому что и это не безопасно. Потому и Павел советует Тимофею тщательно заботиться о себе.

Относительно болезни достаточно сказать этого. Если же разлука с нами причиняет тебе уныние, то ожидай конца и этому. И это я сказал теперь не для того, чтобы утешить тебя, но потому, что я знаю, что так непременно будет. Если бы этому не надлежало совершиться, то я давно, думается мне, умер бы, потому именно, что на меня потоком устремились испытания. Помимо всего того, что я претерпел в Константинополе, надо знать, сколько вытерпел я по удалении оттуда в продолжение этого длинного и трудного пути, вытерпел такого, что в большей части способно было причинить смерть; сколько затем, после прибытия сюда, сколько после переселения из Кукуза, сколько после пребывания в Арависсе.

Но всего этого мы избежали, и теперь здоровы, и находимся в полном благополучии, так что все и армяне изумляются, что при таком немощном и сухощавом теле я переношу такой невыносимый холод, что могу дышать, тогда как люди, привыкшие к зиме, немало страдают от нее. Однако мы остались невредимы до сего дня, и избежав рук разбойников, которые часто нападали, и живя при недостатке вещей необходимых, и не имея возможности пользоваться даже баней. Когда мы жили в Константинополе, то постоянно имели в том нужду, а теперь находимся в таком состоянии, что даже и не желаем подобного рода утешения, напротив, мы стали здесь еще и здоровее. Ни суровость климата, ни пустынность мест, ни скудость съестных припасов, ни отсутствие прислужников, ни невежество врачей, ни недостаток бань, ни постоянное заключение, как будто в темнице, в одном жилище, ни то обстоятельство, что я лишен возможности двигаться, в чем я всегда имел нужду, ни постоянное пребывание в дыму и около огня, ни страх перед разбойниками, ни постоянные нападения, ни другое что-нибудь в этом роде – ничто не победило нас; напротив, мы чувствуем себя здоровее, чем были там, но потому, однако, что тщательно заботились о себе.

Итак, соображая все это, удаляй от себя уныние, которое владеет тобою теперь по этим причинам, и не требуй от себя самой чрезмерных и тяжелых удовлетворений. Я послал тебе, что я недавно написал, именно, что, кто не поступает несправедливо с собой, тому не в силах будет повредить никто другой; и рассуждение, которое я послал теперь твоей честности, преследовало эту именно цель. Итак, постоянно пробегай его, а когда бываешь здорова, читай и вслух. Это будет для тебя, если захочешь, достаточным лекарством.

Если же станешь спорить с нами и не будешь заботиться о себе, и, несмотря на бесчисленные убеждения и увещания, которыми можешь ты пользоваться, не пожелаешь подняться из болот уныния, то неохотно и мы будем откликаться и отправлять тебе частые и длинные письма, если ты не намереваешься получать из них какую-нибудь пользу для приобретения хорошего расположения духа.

Как же мы узнаем это? Узнаем, если ты будешь не говорить, а если станешь показывать делами, потому что и теперь ты говорила, будто не иное что, а уныние причинило тебе эту болезнь. Так как ты сама, следовательно, призналась в этом, то, если не освободишься от болезни, мы не поверим, что освободилась и от уныния. В самом деле, если оно причиняет болезнь, как и сама ты известила, то очевидно, что, по удалении его, уничтожена будет и болезнь; по извлечении корня погибают и его отпрыски, так что, если они останутся цве-

тущими и полными сил и будут приносить неподобающий плод, то мы не можем быть убеждены, что ты освободилась от корня. Поэтому покажи мне не слова, а дела, и если будешь здорова, то увидишь, что опять будут посылаться тебе письма, превосходящие меру слов.

Не считай также малым для тебя утешением, что мы живы, что здоровы, что, находясь в таких тяжелых обстоятельствах, мы освободились от болезни и недуга, что, как я узнал, очень печалит и огорчает наших врагов. Соответственно этому и вам следует считать это величайшим ободрением, и главным утешением. Не называй одинокими твоих спутников, которые теперь, благодаря страданиям, какие они терпят, еще более начертаны в небесах.

Я очень скорбел из-за монаха Пелагия[3]. Поразмысли, поэтому, сколь великих венцов достойны те, кто стоит благородно на своем посту, когда даже мужи, проводившие жизнь в столь великих аскетических подвигах и отличавшиеся выносливостью в трудах, оказываются так легко поддающимися обману.

[3] Под этим Пелагием некоторые разумеют ересиарха.

Письмо пятое

Святитель хвалит Олимпиаду за ее терпение. – Увещание ей не терять мужества. – Праведные могущественны и счастливы даже среди гонений. – Злые немощны и несчастливы даже во время своих успехов. – Доказательством этого могут служить Авель и Каин.

Усилились ваши мучения, устроены опять более широкие места борьбы, более длинные бега в ристалищах, в большее пламя раздувается гнев злоумышляющих против вас. Но не надо смущаться и пугаться, напротив, потому-то в особенности и следует радоваться и веселиться, увенчиваться и ликовать. Если бы вы в предшествующее время не нанесли диаволу смертельных ударов, то этот зверь не рассвирепел бы до такой степени, чтобы пойти дальше. То, что он нападает и набрасывается сильнее, что он проявляет больше бесстыдства и обильнее изливает яд, служит, следовательно, доказательством как вашего мужества и победы, так и горшего его поражения.

Так было и в отношении к блаженному Иову; и тогда диавол, после того как был побежден в деле лишения праведника имущества и отнятия детей, давая ясное доказательство, что получил тяжелые раны, устремился к главе бедствий – осаде плоти, источнику червей, хору ран, – это я называю хором, венцом, и роем бесчисленных наград. Даже и здесь он не остановился; нет, когда у него не оставалось никакого другого подобного средства (потому что он навлек ту болезнь, как крайний предел несчастий), он опять стал пускать в ход и другие хитрости, вооружая жену, подстрекая друзей, возбуждая и делая дерзкими слуг, растравляя всем этим его раны.

То же самое не перестает он предпринимать и теперь, впрочем, на свою же голову, потому что благодаря этому ваши дела с каждым днем становятся блистательнее, величественнее и светлее, богатство ваше приумножается еще больше, выгоды еще изобильнее, являются друг за другом непрерывные венцы, через самые несчастья много возрастает ваше мужество, и козни врагов укрепляют ваше терпение. Такова природа мучения; тех, кто кротко и благородно переносит его, оно делает выше несчастий, выше стрел диавола, и научает презирать злые козни.

Так и деревья, растущие в тени, бывают слабее и меньше способны к рождению плодов, те же, которые испытывают разные перемены воздуха и подвергаются нападениям ветров и жару солнечного луча, становятся крепче, изобилуют листьями и гнутся под тяжестью плодов. Так бывает обыкновенно и на море. Те, кто впервые взошли на корабль, хотя бы они были и очень мужественны, вследствие своей неопытности смущаются, беспокоятся, подвергаются головокружениям, а которые переплыли много морей, перенесли много бурь и подводных скал и утесов, нападения морских зверей и злоумышления морских разбойников и пиратов, которые выносили непрерывные морские бури – те сидят на корабле с большей отвагой, чем иные ходят по земле, садясь не внутри у основания корабля, но и на самых его бортах, стоя без боязни и на носу, и на корме; равно и те, которые сначала на глазах всех лежали с дрожью и страхом, после того как испытают большую бурю, и канат влекут, и паруса растягивают, и за весла берутся, и смело бегают по всему кораблю. Итак, ничто из приключающегося да не смущает вас. Враги невольно поставили нас в такое состояние, что мы не можем потерпеть зла. Истративши все свои стрелы, они этим не достигли ничего большего, кроме того, что подвергли себя бесчестью и насмешкам, и всюду являются, как общие враги вселенной. Таково возмездие злоумышляющим, таков конец войн.

Ах, как велика добродетель и презрение настоящих вещей! Через злоумышления она получает пользу, через злоумышляющих увенчивается, через делающих зло она начинает

блистать сильнее, через пытающихся уничтожить ее она делает следующих за ней более сильными, более возвышенными, непокоримыми, непреодолимыми, не имеющими нужды ни в оружии, ни в копьях, ни в стенах, ни во рвах, ни в башнях, ни в деньгах, ни в войсках, но только в твердой воле и постоянной душе, и посрамляет всякое человеческое злоумышление.

2. Итак, моя боголюбезнейшая госпожа, постоянно твердя это и себе самой, и тем, которые вместе с тобою ведут эту прекрасную борьбу, возбуждай души всех, набирай свой боевой строй, чтобы для тебя был двойной и тройной и многократный венец добродетели, как за то, что сама терпишь, так и за то, что и других побуждаешь к тому же; убеждай их кротко переносить все и пренебрегать тенями, презирать обман сновидений, попирать грязь и вовсе не говорить о дыме, не думать, что вам в тягость паутины, и бежать мимо гниющей травы. А именно всем этим, да и того еще ничтожнее, является суета человеческого благоденствия.

И не легко можно найти образ, который точно выражал бы суету его. Кроме этого своего ничтожества, оно приносит еще тем, кто сильно жаждет его, и немалый вред, не только в будущем веке, но и в настоящей жизни, и даже в те самые дни, когда им, по-видимому, наслаждаются. Подобно тому, как добродетель, в то самое время, когда она подвергается нападению, торжествует и процветает, является более светлой, так и порок, в то самое время, когда ему прислуживают и льстят, обнаруживает свое бессилие и делает себя предметом большого смеха и крайнего осмеяния.

Что, в самом деле, скажи мне, было более достойно сожаления, чем Каин, и именно в то самое время, когда он, казалось, одолел брата и одержал над ним верх, и был исполнен злобы и гнева, гнева беззаконного и гнусного? Что порочнее той десницы, которая, казалось, победила, десницы, которая нанесла удар и совершила убийство, и того постыднейшего языка, который замыслил хитрость и распростер сети? И зачем я говорю о членах, совершивших убийство? Все тело несло наказание, будучи постоянно предано стенанию, страху.

О, дивное дело! О, необычайная победа! О, неслыханный трофей! Закланный и лежащий мертвым увенчивался и прославлялся, а победивший и одержавший верх оставался не только не увенчанным, но за эту-то самую победу и был караем, и предавался невыносимым наказаниям и постоянному мучению; пораженный и умерший обвинял того, кто двигался, жил и говорил, безгласный обвинял говорящего; а лучше сказать, даже и не умерший, а одна только кровь, в отдельности и от тела, имела достаточно сил для этого. Так велико богатство людей добродетельных, даже и умерших! Так велико бедствие дурных, даже и живых!

Если же таковы награды во время самой борьбы, то представь, как велики вознаграждения после состязаний, во время воздаяния, при раздаче тех благ, которые превышают всякое слово. Печали, каковы бы они ни были, причиняются людьми и отображают ничтожность тех, кем они наносятся; а дары и награды даются от Бога; поэтому они таковы, какими естественно быть дарам, даваемым со стороны неизреченной щедрости. Итак, радуйся и веселись, нося венок, торжествуя, попирая жала врагов более, чем иные грязь.

Извещай постоянно нас о своем здоровье, чтобы и отсюда мы получили большую радость. Ты ведь знаешь, что нам и пребывающим в уединении, будет немалым утешением, когда мы постоянно будем узнавать о твоем здоровье. Будь здорова!

Письмо шестое

Похвала мужеству Олимпиады. – Ее мужество возрастает вместе с гонением. – Мысль о стольких заслугах должна наполнить ее радостью и блаженством.

Пишу я это к твоей благопристойности, только что поднявшись от самых врат смерти. Вот почему я очень обрадовался, что слуги твои вышли навстречу теперь, когда мы уже входили в гавань, потому что, если бы они встретились со мной, когда я еще качался в море и подвергался тяжким волнам болезни, мне нелегко было бы обмануть твою богобоязненность, возвещая радостное вместо печального.

Действительно, буря, бывшая сильнее обыкновенной, причинила нам очень тяжкую и бурю желудка, так что эти два месяца я провел ничуть не лучше мертвых, а даже еще и хуже их. Я жил лишь настолько, насколько чувствовал отовсюду окружавшие меня несчастья; все для меня было ночью: и день, и утро, и полдень; и я целый день проводил пригвожденным к постели. Принимая всякие меры, я был, однако, не в силах устранить вред, проистекавший от холода; несмотря на то, что я зажигал огонь, терпел страшнейший дым, заключился в одной комнате, закутывался множеством одеял и даже не осмеливался переступить порога, я, тем не менее, страдал постоянными рвотами, головной болью, отвращением к пище и непрерывной бессонницей. Так я проводил без сна длинные моря ночи.

Но, чтобы не мучить больше твоей души, занимаясь воспоминанием неприятностей, скажу тебе, что теперь мы от всего этого избавились. Лишь только наступила весна и немного изменился воздух, все уничтожилось само собою. Тем не менее, мне и теперь нужна большая аккуратность в образе жизни, поэтому я не обременяю желудка пищею, чтобы он без труда мог переваривать ее.

Немало причинило нам беспокойства и известие, что ты находишься при последнем дыхании. Но благодаря сильной любви к тебе, попечению и заботливости о твоих делах, мы еще раньше получения писем от твоей благопристойности освободились от этого беспокойства, когда многие пришли оттуда и возвестили о твоем здоровье.

Теперь я очень рад и весел, не потому только, что ты избавилась от болезни, но, прежде всего, потому, что так благородно переносишь приключающиеся скорби, называя все это пустяками, и что всего важнее, это то, что ты называешь этим именем даже и болезни тела, что свойственно душе, полной сил и изобилующей богатым плодом мужества. То ведь, что ты не только благородно переносишь несчастья, а даже и не замечаешь их, когда они находятся налицо, напротив, презираешь их и с большой легкостью налагаешь на себя венок терпения, не употребляя ни напряжений, ни трудов, ни беспокойств и другим не доставляя их, а как бы ликуя и торжествуя, это служит доказательством высочайшего любомудрия.

Поэтому я радуюсь и ликую, восхищаюсь от радости, не чувствую ни настоящего одиночества, ни остальных несчастий, веселясь, радуясь и величаясь твоим величием духа и непрерывными победами, не ради тебя только, но и ради того великого и многолюдного города, для которого ты стала и вместо башни, и гавани, и стен, издавая голос ясный через посредство дел и своими страданиями научая тот и другой пол без труда приступать к подобным состязаниям, выходить со всяким мужеством на борьбу и легко выносить труды, происходящие от таких подвигов.

И удивительно то, что, не выступая на площадь и не ходя в центре города, а сидя в небольшом домике и в спальне, ты внушаешь бодрость и укрепляешь готовящихся к борьбе, и когда море так свирепствует и волны так вздымаются, отовсюду показываются скалы, подводные камни, утесы и дикие звери, и все охватывает глубочайшая ночь, ты, как бы в пол-

день и среди тишины, как будто ветер дует в корму, распустивши паруса терпения, плывешь с большой легкостью, не только не испытывая волнения вследствие этой жестокой бури, а даже и не обрызгиваемая водой; и весьма естественно, потому что таковы кормила добродетели.

И купцы, и кормчие, и матросы, и моряки, когда заметят скопление облаков или вторжение неукротимых ветров, или шум волны, кипящей сильной пеной, задерживают корабли внутри гавани; а если они в это время случайно где-нибудь качаются по волнам моря, то придумывают и принимают все меры, чтобы причалить корабль к пристани или к острову, или к берегу. А ты, несмотря на всякие ветры, несмотря на то, что отовсюду вздымаются такие свирепые волны, что глубина морская перевернулась вверх дном от суровости бури, и одни потонули в глубине, другие мертвыми плавают на поверхности вод, третьи нагими несутся на доске, ты, устремляясь в самую середину моря бедствий, все это называешь пустяками, и в бурю плывешь с попутным ветром. Так и должно быть.

В самом деле, кормчие, пусть даже они будут без конца сведущи в морской науке, все же не обладают в достаточной мере искусством, чтобы противостать всякой буре, поэтому избегают часто сражения с волнами. У тебя же есть знание, которое выше всякой бури, сила любомудрой души, которая крепче бесчисленных войск, сильнее оружия и надежнее башен и стен. В самом деле, воинам и оружие, и стены, и башни полезны только для безопасности тела, да и то не всегда и не при всех обстоятельствах; бывают случаи, когда и это все побеждается и оставляет беззащитным тех, кто к этому прибегает. Между тем, твое оружие сокрушает не варварские стрелы, не изобретения вражеских людей, не нападения и хитрости; нет, оно попрало принуждения природы, уничтожило власть их и разрушило их крепость.

Постоянно сражаясь с демонами, ты одержала бесчисленные победы, а между тем, не получила ни одного удара, напротив, стоишь неуязвимая среди такого роя стрел, и копья, которые бросают в тебя, возвращаются обратно на тех, кто их мечет. Такова мудрость твоего искусства: через что испытываешь страдания, через то отражаешь от себя причиняющим их; через что служишь предметом злоумышления, через то опечаливаешь враждующих, имея порочность тех отличным поводом к тому, чтобы получить большую славу. Хорошо и сама зная это, и по опыту понимая, ты естественно называешь все это пустяком.

Действительно, как не назвать тебе этого пустяком, скажи мне, тебе, которая получила смертное тело и, однако, так же презираешь смерть, как иные спешат оставить чужую землю и возвратиться в свое отечество, – тебе, которая страдаешь жесточайшей болезнью и, однако, находишься в более приятном состоянии, чем те, которые имеют здоровое тело и исполнены сил, – тебе, которая не унижаешься оскорблениями, не превозносишься почестями и славой, между тем как это было уже причиной бесчисленных бедствий для многих, которые, просияв в сане священства и достигши последней старости и глубочайшей седины, упали отсюда и выставлены на общее позорище желающим их осмеивать? А ты, женщина, облеченная и в тщедушное тело, и перенесшая столько нападений, не только не потерпела ничего подобного, но еще и многим другим воспрепятствовала потерпеть то же.

Тогда как те даже и не выступили далеко в состязаниях, а упали в самом начале, соскакивая с самого, так сказать, барьера, ты, несметное число раз обогнув самый дальний столб в ристалище, за каждый бег получила награду, показав разнообразные виды борьбы и состязаний. Это и вполне естественно, потому что не от возраста и не от тела зависят состязания добродетели, а от одной только души и воли. Оттого-то и женщины были увенчаны, и мужи были повергнуты, оттого-то и дети были прославлены, и состарившиеся были посрамлены.

Итак, всегда должно удивляться следующим за добродетелью, в особенности же когда найдутся любящие ее в такое время, когда большинство бросают ее. По этой-то причине подобает крайне удивляться и твоей благопристойности, потому что, в то время как

столько мужей, женщин, людей состарившихся, которые, казалось, в великой степени владели добродетелью, обратились в бегство, лежат на глазах у всех, и пали не вследствие сильного натиска в войне и не от сильной стычки с врагами, а прежде битвы, были побеждены прежде боя, ты сама после стольких битв и сражений не только не пришла в изнеможение и не изнурилась множеством бедствий, а напротив, еще больше молодеешь, и приращение состязаний дает тебе приращение силы, потому что воспоминание о том, что ты уже с похвалою совершила, для тебя делается поводом к веселью и радости, и большему утешению.

Вот почему мы радуемся, ликуем, веселимся; не перестану постоянно повторять этого и всюду возвещать причину своей радости. Поэтому, если тебя и опечаливает наше отсутствие, зато то утешение, даруемое твоими добродетелями, для тебя очень велико, когда и мы, отделенные от тебя таким длинным промежутком пути, получаем отсюда, то есть от твоего мужества, немалую радость.

Письмо седьмое

Злой человек не может избегнуть суда своей совести. – Пример Иуды, брата Иосифа. – Пример Иуды Искариота. – Добродетель заслуживает вечного блаженства и получает награду даже еще здесь. – Вот чем должна утешаться Олимпиада среди претерпеваемых ею гонений.

1. Что ты говоришь? Ты не поставила трофея и не одержала блестящей победы? Ты не наложила на себя постоянно цветущего венка? Но не о том ли говорит вся вселенная, по всей земле воспевающая твои добродетели? Хотя сражения и состязания были устроены в одном месте, и пути твоих бегов в ристалище и твоя борьба, исполненная вместо пота кровью, были только там, но слова о тех делах и радость за них распространились до пределов вселенной. Ты же, желая их сделать большими и приготовить для себя больше наград, приложила к ним и венцы, рождаемые смиренномудрием, говоря, что настолько отстоишь от этих трофеев, насколько мертвые от живых.

Что это слова смиренномудрия, я лучше попытаюсь доказать тебе из того самого, что произошло. Ты изгнана из отечества, из дома, оторвана от друзей, от родственников, удалилась в чужую страну; ты не переставала ежедневно умирать, восполняя избытком своей воли то, чего недоставало у природы. В самом деле, так как, будучи человеком, нельзя умереть много раз самым опытом, то ты сделала это волею. И особенно важно то, что ты, одно претерпевая, а другое ожидая потерпеть, не перестала возносить за это славословие Богу, Который попускал этому случаться, равно как не перестала наносить смертельный удар диаволу.

Что он действительно получил смертельный удар, это показал он тем, что после того вооружился более сильным оружием; вот почему то, что было позже, оказалось более тяжким, чем бывшее раньше. Как скорпион или змея, когда получит сильный удар, поднимается, выпустивши далеко свое жало против ударившего, представляя как доказательство большой боли порывистую стремительность против бьющего, так точно и тот бесстыдный зверь, когда получил глубокие раны от твоей дивной и высокой души, напал сильнее и причинил большие искушения. Причинил их он, а не Бог; но Бог попустил, умножая твое богатство, увеличивая прибыль, доставляя более многочисленную награду, более изобильное воздаяние.

Итак, не смущайся и не тревожься! Кто, в самом деле, когда-нибудь уставал обогащаться? Кто был смущен, достигая высшей власти? Если же собирающие эти людские блага, смертные и более слабые, чем тень, и увядающие скорее, чем завялые цветы, радуются, ликуют, восторгаются от удовольствия, которое одновременно и является, и отлетает, и подобно течению речных потоков, то гораздо более справедливо тебе, если ты прежде была в унынии, настоящий удобный случай сделать для себя поводом к величайшей радости. Твое сокровище, которое ты собрала, неприкосновенно, и достоинство, созданное этими страданиями, не знает смены и не ожидает конца, – оно бесконечно, не пресекается ни трудностью обстоятельств, ни злоумышлениями людей, ни нападениями демонов, ни самою смертью.

Если же хочешь уж плакать, то оплакивай тех, кто совершает подобное, виновников этих зол, рабов, которые и на будущее время скопили себе самим величайшее наказание, и здесь уже получили крайнее наказание, так как очень многие презирают их, считают врагами, проклинают и осуждают. Если же они не чувствуют этого, то по этой причине в особенности жалки и достойны слез, подобно тому, как одержимые душевной болезнью, которые необдуманно и безумно поносят и бьют встречающихся, а часто и своих благодетелей и друзей, не замечая сумасшествия, в припадке которого они беснуются. Потому-то они и

болеют неизлечимо, не подпуская к себе ни врачей, не вынося ни лекарств, но даже желающим прислуживать и благодетельствовать им отплачивая противоположного рода делами.

Так точно и (твои враги) достойны сожаления по этой причине, если только они не чувствуют столь великой своей низости. Если же они не обращают внимания на осуждение других, то им нельзя ускользнуть от обличения собственной совести, обличения неизбежного, неподкупного, не отступающего ни перед каким страхом, не искажаемого ни лестью, ни даянием денег, не исчезающего от продолжительности времени.

2. Так сын Иакова, сказавший отцу, что злой зверь съел Иосифа, сочинивший это прискорбное происшествие и этой маской задумавший прикрыть братоубийство, обманул тогда отца, но совести своей не обманул и не заставил молчать; нет, она продолжала восставать против него, постоянно вопиять, и нельзя было никогда заставить ее смолкнуть. Действительно, тот, кто отрекся перед родителем от дерзкого поступка, на который он отважился, кто не сказал о нем никому из остальных людей, по прошествии долгого времени, когда никто не обвинял его, никто не укорял, никто не наступал и не припоминал о той выдуманной басне, подвергаясь опасности за свободу и самую жизнь, показал, что обвинитель совести в столь продолжительное время не заставлен молчать и не укрощен, говоря следующие слова:

Точно, мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали… вот, кровь его взыскивается (Быт. 42, 21–22).

Между тем, иное было обвинение, которое возбуждалось против него, – он обвинялся в воровстве и был ведом в суд, как будто похитивший золотой кубок; но так как он не сознавал за собою ничего подобного, то и не скорбел из-за этого и говорил, что он терпит это не из-за того, в чем его обвиняли и за что вели связанным, а за то, в чем никто не обвинял, и не требовал отчета, за что никто не влек его в суд, лучше же: на что он теперь не дерзнул, в том именно он сам делается и уликой против себя, и обвинителем.

На него напала совесть, и он, с такой безбоязненностью проливший кровь брата и нисколько о том не печалившийся, теперь делался и сочувствующим брату, и обвинял сонм участвовавших с ним в кровопролитии, и трогательно рассказывал о всей жестокости, говоря: «Когда он очень просил нас, и мы презрели горе его и скорбь души его. Достаточно было природы, – говорит он, – чтобы смягчить нас и склонить к состраданию, а он еще присоединил и слезы, и мольбу, но даже и этим не склонил нас, мы презрели горе его и скорбь души его. За это, – говорит он, – нам приготовлено судилище, за это мы рискуем кровью, так как и мы согрешили против крови».

Так и Иуда, не вынося обличения совести, устремился к петле и окончил жизнь через повешение. Когда он дерзал на ту бесстыдную сделку, говоря: *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* (Мф. 26,15), – то не стыдился слушателей, что, будучи учеником, он замышлял такое злодейство относительно Учителя, не был опечален и в следующие затем (до предательства) дни, но, будучи еще опьянен удовольствием сребролюбия, не особенно чувствовал обвинение совести. Но когда он совершил грех и взял деньги, и удовольствие от корысти кончилось, а обвинение за грех, наконец, зацвело, тогда, несмотря на то, что никто не принуждал его, никто не заставлял, никто не убеждал, он пошел сам собой, с пренебрежением бросил деньги давшим их и признался в своем беззаконии, говоря вслух им: *Согрешил я, предав кровь невинную* (Мф. 27, 4). Так он не вынес обличения совести.

Таково свойство греха. Прежде, чем он совершен, он опьяняет своего пленника, а когда бывает приведен к исполнению и совершен, тогда приятность его уходит прочь и потухает, а стоит уже один только обвинитель; причем совесть занимает место палача и терзает согрешившего, предъявляет ему крайние наказания и давит его тяжелее всякого свинца.

3. И такого рода наказания здесь; а каковы наказания будут назначены совершившим такие злодеяния в будущей жизни, ты знаешь. О них, поэтому, надо проливать слезы, о них следует плакать, потому что и Павел делает так, радуясь вместе с переносящими бедствия

и состязающимися, и испытывающими несчастья, а согрешающих оплакивая. Поэтому он и говорил: *Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали* (2 Кор. 12, 21), состязающимся же говорил: *радуюсь и сорадуюсь всем вам* (Флп. 2, 17).

Поэтому ничто да не смущает тебя – ни случившееся, ни впредь угрожающее. Волны ведь не колеблют скалы, но чем с большей стремительностью ударяются о нее, тем сильнее разбиваются. То же самое случилось и впредь случится и здесь, лучше же, даже гораздо большее. Волны не колеблют скалы, тебя же не только не поколебали, но и сделали еще сильнее. Таков порок, такова добродетель. Один, воюя, уничтожается, а другая, подвергаясь нападению, сияет еще сильнее. Одна получает награды не только после состязаний, но и во время самых состязаний, и самое состязание для нее становится победной наградой, а другой, когда победит, тогда еще более опозоривается, тогда наказывается, тогда исполняется великого бесчестия, и прежде назначенного ему наказания терпит казнь в самом деянии, а не только после его совершения.

Если слова мои неясны, то выслушай блаженного Павла, который различает и то и другое. Писав некогда римлянам и обличая безнравственную жизнь некоторых, и показывая, что и прежде наказания, в самом уже деянии, соединяется с наказанием, он, вспомнив о противозаконных смешениях женщин и мужей, преступивших границы природы и выдумавших некоторую неестественную страсть, говорит следующим образом: *женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение* (Рим. 1, 26–27). Что говоришь ты, Павел? Ведь дерзающие на это находят удовольствие, и совершают это противозаконное смешение с любовью? Как же ты сказал, что они наказываются в самом уже этом деянии? «Потому, – говорит он, – что я высказываю суждение не на основании удовольствия больных, а на основании самого существа дела». Так и прелюбодей, хотя и находит по-видимому удовольствие, еще прежде наказания (за свой поступок) терпит казнь в самом прелюбодеянии, делая душу худшею и более дурной. И человекоубийца, прежде чем увидеть судилище и заостренные мечи и дать отчет в том, на что он дерзнул, погиб уже во время самого совершения убийства, так как и он опять делает свою душу более дурной. Чем бывает болезнь в теле, лихорадка или водянка, или что-нибудь другое в этом роде, чем бывает ржавчина на железе, моль на шерсти, червь на дереве, и черви на рогах, тем же является и порок в отношении к душе. Он делает ее рабской и несвободной; да что я говорю – рабской и несвободной? Он делает ее душой бессловесных, превращая одну душу в волка, другую в душу собаки, иную – змеи, иную – ехидны, иную – в душу другого зверя.

Это разъясняют пророки и всем поставляют в известность происходящую вследствие порока перемену: один из них говорил: *немые псы, не могущие лаять* (Ис. 56, 10), сравнивая испорченных и тайно злоумышляющих людей с бешеными собаками, потому что последние, когда приходят в бешенство, нападают не с лаем, а подступают молча, причиняя укушенным больше вреда, чем лающие. Другой, опять, называл известных людей вороной (Иер. 3, 2). Иной говорил: *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. 48, 13). Превосходнейший же из пророков, сын неплодной, стоя подле Иордана, некоторых назвал и змеями, и порождениями ехидны. Что же может быть равным этому наказанию, когда происшедший по образу Божию и вкусивший столь великой чести, когда разумное и кротчайшее животное впадает в такое зверство?

4. Видишь, как и прежде получения наказания порок в самом себе имеет наказание? Пойми, как то же бывает и в отношении к добродетели, как и добродетель прежде получения наград бывает себе самой наградой. Подобно тому, как бывает в теле, – ничто ведь не

препятствует опять воспользоваться тем же самым примером, так как он хорошо разъясняет дело, – подобно тому, повторяю, как бывает в теле, что тот, кто здоров, обладает крепким телом и свободен от всякой болезни, в силу этого самого и без веселья уже веселится, в здоровье находя радость, и ни перемены в воздухе, ни зной, ни холод, ни скудость стола, ни что-нибудь другое в этом роде не может опечалить его, так как здоровье в состоянии отстранить от него происходящий от всего этого вред, так точно случается обыкновенно и в отношении к душе.

Поэтому и Павел, будучи бичуем, гоним, терпя бесчисленные несчастья, радовался, говоря так: *радуюсь в страданиях моих за вас* (Кол. 1, 24). Не только в Царстве Небесном назначена награда за добродетель, но и в самом страдании, потому что и потерпеть что-нибудь за истину – величайшая награда. Вот почему и сонм апостолов с радостью возвратился из иудейского синедриона, не только по причине Царства Небесного, но и потому, что за имя Иисуса сподобились принять бесчестие (Деян. 5, 41), так как это и само по себе было величайшей честью и венцом, наградой и основанием неувядающего веселия.

Итак, радуйся и ликуй! Подлинно, не мало, но даже очень велико это состязание с клеветой, в особенности когда оно бывает вследствие такого великого обвинения, из-за какого теперь оклеветали нас, обвиняя в поджоге в общественном судилище. Потому и Соломон, желая изобразить суровость состязания, говорит: *И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет* (Еккл. 4, 1). Если же борьба велика, – а она и на самом деле велика, то и назначенный за нее венец, очевидно, очень велик. Поэтому и Христос повелевает радоваться и ликовать ведущим эту борьбу с подобающим терпением. *Радуйтесь,* – говорит, – *и ликуйте, когда будут… вас… злословить за Меня, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5,11–12). Видишь, виновниками какой радости, какой награды, какого веселия бывают у нас враги? Не странно ли поэтому устраивать себе самой бедствия, каких не были в состоянии причинить тебе те, а причинили лишь противоположное им? Что же такое я говорю? Те не только не были в состоянии наказать тебя, но доставили тебе еще повод к радости и предлог к неувядающему веселию; а ты, до такой степени муча себя унынием, наказываешь себя, расстраиваешься, смущаешься и исполняешься большой печали.

Это следовало бы тем делать с собой, если бы только когда-нибудь они пожелали познать свои собственные пороки. Тем справедливо было бы теперь горевать, плакать, стыдиться, закрыть свои лица, зарыться и не видеть этого солнца, и, заключившись где-либо во тьме, оплакивать свои пороки и те бедствия, в какие они ввергли столько церквей, а тебе должно веселиться и радоваться, потому что ты достигла обладания главой добродетелей.

Ты ведь знаешь, знаешь ясно, что нет ничего равного терпению, что оно в особенности царица добродетелей, основание совершенств, безмятежная пристань, мир во время войн, тишина во время бури, безопасность среди злоумышлении; знаешь, что оно делает обладающего им крепче адаманта, что ему не в силах повредить ни выдвигаемые оружия, ни построенные в боевом порядке войска, ни подводимые машины, ни стрелы, ни пускаемые копья, ни самое полчище демонов, ни страшные полки супротивных сил, ни сам диавол, выступающий в бой со всем своим войском и хитростью.

Чего же ты боишься? Ради чего страдаешь, ты, которая научилась презирать даже самую жизнь, если потребует время? Но ты желаешь увидеть конец теснящих тебя несчастий? Будет и это, и будет скоро, при Божием изволении. Итак, радуйся и веселись, и находи утеху в твоих добродетелях, и никогда не отчаивайся в том, что мы опять увидим тебя и напомним тебе об этих словах.

Письмо восьмое

Святитель указывает Олимпиаде несколько побуждений к ее утешению. – Повсюду знающие ее выражали сочувствие ее страданиям. – Пусть она помышляет о наградах, ожидающих в будущей жизни. – Жаловаться и скорбеть могут только злые люди.

Не суждено было мне, очевидно, и удалившись из города, освободиться от тех, кто сокрушает мой дух. Встречающиеся с нами на дороге, одни с востока, другие из Армении, иные и из других мест вселенной, смотря на нас, проливают источники слез, рыдают и сопровождают нас сетованиями во время всего пути. Я сказал это, чтобы вы знали, что мне многие сострадают вместе с вами, а и это немало значит для утешения. В самом деле, если пророк оплакивает противоположное, как тяжкое и невыносимое, говоря: *ждал сострадания, но нет его, – утешителей, но не нахожу* (Пс. 68, 21), то, очевидно, доставляет большое утешение и то, когда имеешь сообщниками уныния всю вселенную.

Если же ты ищешь и другого утешения, то обрати внимание на то, что мы, претерпев столько великих бедствий, остаемся здоровы, находимся в безопасности, и совершенно спокойно подсчитываем наши разнообразные и непрерывные страдания, мучения, злоумышления, находя постоянно удовольствие в воспоминании о них. Итак, и сама обдумывая это, рассей облако уныния и постоянно пиши нам о твоем здоровье.

Я и теперь, когда мой любезнейший господин Аравий послал нам письмо, удивился, почему твоя честность не написала, хотя госпожа моя, благородная его жена, с тобой очень дружна. Помышляй и о том, что все радости и печали настоящей жизни мимолетны. Хотя и узки врата, и путь узок, но он все-таки путь (Мф. 7, 13–14), – напомню тебе изречение, о котором я часто беседовал с тобою. Если и широки врата, и путь широк, однако и это путь.

Итак, освободившись от земли, лучше же – от самых уз плоти, расправь крыло твоего любомудрия и не позволь, чтобы оно было потопляемо тенью и дымом (а таково все человеческое). Но если ты и увидишь, что те, кто причинил нам столько несправедливостей, и владеют своими городами, и наслаждаются честью и охранной стражею, то приговаривай это изречение: *широки врата и пространен путь, ведущие в погибель* (Мф. 7, 13), и потому лучше проливай по ним слезы и скорби. Тот, кто делает здесь что-либо худое, да сверх того еще, что не потерпел за это наказания, наслаждается и честью со стороны людей, отойдет (отсюда), имея почесть величайшим отягчающим наказание обстоятельством. Вот почему и тот богач был жестоко палим огнем, терпя наказания не из-за одной только жестокости, которую он проявил в отношении к Лазарю, но и из-за благоденствия, постоянно наслаждаясь которым, при столь великой жестокости, он, однако, и благодаря ему не сделался лучшим.

Беседуя с собою об этом и тому подобном (мы не перестаем постоянно твердить тебе об этом), моя боголюбезнейшая госпожа, отложи в сторону это тяжкое бремя уныния и извести нас об этом, чтобы, узнав, как я и прежде писал, что тебе бывает некоторая польза в деле утешения и от наших писем, я чаще употреблял лекарство.

Письмо девятое

Страдания нужно переносить с терпением.

Всякий раз, как я увижу толпы мужей и женщин, которые высыпают на дорогах, на станциях, по городам, и смотрят на нас, и плачут, я понимаю, как обстоит дело у вас. В самом деле, если эти, увидевши нас теперь в первый раз, так сокрушаются унынием, что не могут легко придти в себя, и, несмотря на наши мольбы, просьбы и советы, проливают горячие источники слез, то у вас, очевидно, буря еще суровее. Но чем суровее буря, тем больше и награды, если вы постоянно переносите ее с благодарением и с подобающим мужеством, как действительно вы и переносите. Так и кормчие, когда дует сильный ветер, если распустят паруса свыше надлежащей меры, опрокидывают корабль, а если станут управлять им соответственным образом и как следует, то плывут с полной безопасностью.

Итак, зная это, моя боголюбезнейшая госпожа, не отдай себя во власть уныния, но рассудком одерживай верх над бурей: ведь ты в состоянии, и буря не больше твоего искусства. Посылай нам письма, извещая об этом, чтобы мы, живя в чужой земле, получили большую радость, узнав, что ты перенесла это уныние с подобающим тебе благоразумием и мудростью. Это я написал твоей честности, когда уже шел близ Кесарии.

Письмо десятое

Святитель упрекает Олимпиаду за то, что она пишет к нему недостаточно часто.

Пусть рассеется у тебя и этот страх – страх за наше путешествие. Как я раньше написал, тело у нас поздоровело и приобрело большую крепость, так как и погода в отношении к нам была благоприятна, и те, кто ведут нас, проявляют всякое усердие свыше наших желаний, чтобы успокоить нас, и это доказывают самым делом. Я послал это письмо, собираясь выйти из Никеи, в третий день месяца июля.

Пиши нам постоянно о твоем здоровье. Тебе в этом случае окажет услуги мой господин Пергамий, которому я весьма доверяюсь. Извещай нас не только о твоем здоровье, но и о том, что у тебя рассеялось облако уныния, потому что если мы узнаем об этом из твоих писем, то и сами станем чаще писать, как достигающие через письма некоторой пользы. Итак, если желаешь наслаждаться частыми письмами, то покажи нам ясно, что от этого происходит некоторая польза, и ты увидишь, как мы щедро будем доставлять их. Вот и теперь, когда оттуда пришли многие, которые могли принести нам письма, я очень измучился, не получив письма от твоей честности.

Письмо одиннадцатое

Спокойствие святителя среди своих страданий. – Он просит Олимпиаду писать к нему чаще.

Насколько у нас усиливаются испытания, настолько умножается у нас и утешение, и тем более отрадные надежды имеем мы на будущее; теперь же у нас все несется по течению, и мы плывем при попутном ветре. Кто видел? Кто слышал? Подводные камни и утесы, разражаются вихри и бури, безумная ночь, глубокий мрак, крутизны и скалы; и мы, плывя через такое море, находимся ничуть не в худшем положении, чем качающиеся в гавани. Итак, соображая это, моя боголюбезнейшая госпожа, будь выше этих смятений и бурь, и удостой известить меня о твоем здоровье.

Что касается нас, то мы здоровы и радостны. Тело у нас стало крепче, и мы дышим чистым воздухом, и воины префекта, уезжающие вместе с нами, так прислуживают, что устраняют для нас нужду даже и в слугах, исполняя дела слуг; они приняли на себя эту обязанность из-за любви к нам и всюду охраняют, так как каждый считает себя счастливым ради этого служения. Одно печалит нас – неуверенность, что и сама ты здорова. Извести же нас об этом, чтобы мы вкусили происходящей и отсюда радости и много возблагодарили господина моего любезнейшего сына нашего Пергамия. И если ты пожелаешь послать нам письмо, то для этого воспользуйся им, так как он и искренний друг, и весьма нам предан, и очень почитает твою благопристойность и богобоязненность.

Письмо двенадцатое

Святитель извещает о своем прибытии в Кесарию. Он поправился здоровьем и хвалится теми необычайными заботами, которыми он окружен от своих друзей и почитателей.

Избежав болезни, которую я перенес на пути и остатки которой принес в Кесарию, и возвратившись, наконец, к полному здоровью, посылаю твоей богобоязненности письмо из самой Кесарии, в которой, найдя большой уход, я почувствовал себя легче, получив наилучших и весьма знаменитых врачей, лечивших нас не одним только искусством, а главным образом состраданием и нежной любовью; один из них пообещал даже уйти вместе с нами, равно как и весьма много других знатных людей.

Мы часто пишем о наших делах, а сама ты, в чем я тебя прежде упрекал, делаешь это редко. И чтобы ты поняла, что это дело твоего нерадения, и что не недостаток в тех, кто носил бы письма, причиняет это, обрати внимание на следующее: господин мой, брат блаженного епископа Максима, третьего дня встретился с нами, и когда мы попросили у него писем, сказал, что ты не пожелала дать ему никакого письма, равно как не дал и Тигрий пресвитер, когда тот потребовал от него. Прошу, упрекни за это его, искреннего и горячего нашего друга, равно как и всех остальных, окружающих епископа Кириака.

Что касается того, чтобы переменить место изгнания, то не беспокойте из-за этого ни его, ни кого другого. Мы получили милость. Может быть, они желали (исходатайствовать перемену места изгнания), и не были в состоянии (достигнуть цели). «Слава Богу за все», – не перестану всегда повторять этого при всем, что со мной случается. Но пусть они не могли сделать этого. Неужели они не могли и писать?

Много поблагодари моих госпожей, сестер моего господина честнейшего епископа Пергамин, проявляющих ради нас много усердия. Они сделали то, что господин мой областной начальник, зять его, очень к нам расположен, так что и он очень желал нас там увидеть.

И сама ты постоянно извещай нас о своем здоровье и о тех, кто нас любит. Относительно же нас не заботься, потому что мы здоровы и радостны, и до сегодняшнего дня пользуемся большим отдыхом. Мы желаем узнать относительно спутников епископа Кириака, освобождены ли они, и никто нам ничего ясного об этом не сообщил; хоть вы выясните нам это. Скажи епископу Кириаку, что я вследствие печали не посылаю ему письма.

Письмо тринадцатое

Святитель рассказывает Олимпиаде все, что он потерпел до прибытия в Кукуз. – Затем он говорит о сочувствии, которое он встречает в этой местностей о тех попечениях, которыми он постоянно окружен там.

Наконец то мы едва-едва перевели дыхание, придя в Кукуз, откуда и посылаем письмо; наконец то едва-едва увидели свет, (избавившись) от дыма и облака разных бедствий, постигших нас на пути. Теперь, когда скорби миновали, рассказываем о них твоему благочестию.

Я не желал этого сделать в то время, когда находился в них, чтобы особенно не опечалить тебя. Почти ведь тридцать дней, а то и больше, я боролся с жесточайшими лихорадками, и в таком состоянии шел этим длинным и трудным путем, будучи осаждаем и другими тяжкими болезнями, происходившими от желудка. Представь, что отсюда происходило, когда не было ни врачей, ни бань, ни необходимых вещей, ни других удобств, когда отовсюду осаждал нас страх перед исаврянами и остальные бедствия, какие обычно рождают неудобства дорог, забота, беспокойство, уныние, отсутствие тех, кто услуживал бы. Но теперь все это кончилось.

Придя в Кукуз, мы сбросили с себя и остатки всякой болезни и находимся в безукоризненнейшем здоровье, равно как освободились от страха перед исаврянами, так как здесь есть много воинов, которые вполне приготовлены к бою с ними; отовсюду к нам в обилии притекают необходимые вещи, так как все принимают нас со всякой любовью, хотя местность чрезвычайно пустынна.

Но здесь случайно оказался господин мой Диоскор, который и отправил с этой целью в Кесарию своего слугу, приглашая и прося не предпочесть его дому другого; то же делали очень многие и другие, но я счел необходимым предпочесть этого остальным, и мы остановились в его доме. Он делается для нас всем, так что мы постоянно даже упрекаем его из-за большой его щедрости и довольства, которое он желает доставить нам. Так из-за нас он даже удалился жить в поместье, чтобы всячески услужить нам, и устраивает нам жилище, удобное для зимы, совершая и предпринимая все ради этого дела; и вообще в услугах относительно меня нет никакого недостатка. Многие и другие поверенные и экономы, получив письменные приказания от своих господ, постоянно являются, готовые всячески успокоить нас.

Обо всем этом я сказал тебе, и одно, более раннее, я оплакал, а другое приятное изложил, чтобы кто-нибудь необдуманно не перевел нас отсюда. Если, в самом деле, желающие оказать нам милость предоставят на нашу волю быть там, где мы желаем, и не задумают назначать нам опять другое место, какое сами пожелают, то прими эту милость. Если же они, насильно переселяя нас отсюда, намерены послать нас в другое место, и нам будет предстоять опять дорога, опять путешествие, то для меня это будет весьма тяжело: во-первых, (надо бояться), чтобы они как-нибудь не послали нас в более отдаленную или в более неприятную местность, а потом (надо знать), что путешествование для меня тяжелее бесчисленных изгнаний. Трудность этого путешествия свела нас к самым вратам смерти. Живя теперь в Кукузе, мы опять собираемся с силами, благодаря постоянному сидению и покою, и при посредстве спокойствия врачуем бедствие, которое случилось с нами в течение продолжительного времени, и наши разбитые кости, исстрадавшуюся плоть.

В тот же самый день, в который явились и мы, пришла и госпожа моя диакониса Савиниана[4], разбитая и исстрадавшаяся, так как она находится в таком возрасте, когда и двигаться трудно, но юная по усердию и не чувствующая никаких печалей. Она сказала, что готова

---

[4] По мнению Тильмона, эта диакониса была теткой (по отцу) свт. Иоанна Златоуста.

отправиться даже в Скифию (потому что такая молва была сильна), когда мы будем отведены туда. Она готова, как говорит, никуда больше не возвращаться, а жить там, где будем находиться и мы. И сыны Церкви приняли ее с полным расположением и любовью.

И господин мой Констанций[5], богобоязненнейший пресвитер, давно здесь был бы. Он даже писал мне, прося, чтобы я позволил ему придти сюда, так как без моего согласия он не осмелился бы прибыть, хотя и сильно желает этого и, как говорит, не имеет возможности оставаться там, потому что ищет убежища и скрывается: столь великие, как говорит он, теснят его бедствия.

Итак прошу: не поступи иначе относительно места (моего изгнания). Если же опять попробуешь испытать их намерение, то сама от себя ничего не говори, а сообразно с твоим благоразумием испытай, где они решили (поселить меня): ведь ты можешь сделать это. И если заметишь, что где-нибудь там, вблизи, в приморском городе – или в Кизике, или поблизости от Никомидии, то прими это. Если же где-нибудь дальше тех местностей или дальше настоящего места, или так же далеко, как и это место, то не соглашайся, потому что для меня это весьма обременительно и тяжело. Здесь мы пока наслаждаемся большим отдыхом, так что и в два дня мы могли удалить от себя всю неприятность, происшедшую с нами вследствие дороги.

[5] Этому Констанцию свт. Иоанн Златоуст писал даже особое (221-е) письмо.

Письмо четырнадцатое

В нем рассказывается о том, что случилось со святителем в Кесарии.

1. Зачем ты плачешь? Зачем бьешь себя в грудь и требуешь себе наказаний, которых и враги твои не в силах были потребовать от тебя, до такой степени предавши свою душу власти уныния? Письма, которые ты послала нам через Патрикия, обнаружили эти твои духовные раны. Поэтому я очень скорблю и печалюсь, что ты, обязанная употреблять все средства и делать все, чтобы отгонять от твоей души уныние, бродишь, собирая горестные размышления, выдумывая то, чего нет (ведь ты говорила это), и напрасно, и попусту, и к величайшему вреду, терзая себя.

Почему, в самом деле, тебя печалит то, что ты была не в силах переселить нас из Кукуза? Насколько от тебя зависело, ты переселила, употребив все средства и сделавши все. Если же дело не пришло к концу, то не следует скорбеть и из-за этого. Может быть, Богу угодно было устроить для меня более длинные пути бегов, чтобы были и более блестящие венцы. Итак, зачем скорбишь из-за того, благодаря чему мы прославляемся, тогда как тебе следовало бы торжествовать и ликовать и увенчивать себя ради того, что мы удостоены столь великого дела, далеко превосходящего наше достоинство?

Но тебя печалит пустынность здешних мест? И что, однако, приятнее здешнего местопребывания? Спокойствие, тишина, полное отсутствие хлопот, здоровье тела. Если город не имеет ни рынка, ни товаров, то для меня это не имеет никакого значения, потому что все притекает ко мне, как бы из источников. В самом деле, у меня есть и господин мой здешний епископ и господин мой Диоскор, которые непрестанно совершают дело нашего успокоения. И прекрасный Патрикий скажет тебе, как мы проводим жизнь в радости, в веселии, среди больших ухаживаний за нами, поскольку, по крайней мере, дело касается здешнего моего пребывания. Если же ты оплакиваешь случившееся в Кесарии, то и это делаешь недостойно тебя. Точно также и там были сплетены нам опять блестящие венцы, так что все нас прославляют, превозносят похвалами, удивляются, изумляются, за что мы потерпели бедствия и изгнаны.

Но вот о чем пусть никто пока не знает, хотя многие об этом и разглашают. Господин мой Пэаний объявил мне, что там (в Кесарии) находятся пресвитеры самого Фаретрия, которые говорили, что они с нами имеют общение и не имеют ничего общего с противниками, ни сближаясь с ними, ни входя в общение. Итак, чтобы нам не смутить их, пусть никто не знает этого, потому что весьма тяжело случившееся с нами. Хотя я не потерпел ничего другого ужасного, однако то, что случилось там, было в состоянии доставить мне бесчисленные награды: до такой степени мы находились в опасности даже относительно своей жизни. Но, прошу, пусть остается это у тебя тайной, и я расскажу тебе об этом вкоротке, не с целью опечалить, а чтобы обрадовать, так как то, что я постоянно шествую через такого рода испытания и что их навлекают на меня те, со стороны кого я никак не ожидал, служит для меня основанием к награде – в этом мое богатство, здесь истребление моих грехов.

Когда мы, избавившись от галатийца[6], который угрожал нам почти смертью, намеревались вступить в Каппадокийскую страну, многие встречались с нами на пути, говоря: «господин Фаретрий ожидает тебя и всюду ходит, чтобы не потерпеть неудачи в деле встречи с тобою, и все делает и предпринимает, чтобы увидеть тебя и обнять, и показать всю свою любовь; он возбудил даже мужские и женские монастыри». Я же, слыша это, ничего этого

[6] Это, вероятно, был Леонтий, архиепископ анкирский в Галатии, весьма неприязненный к Златоусту.

не ожидал, но представлял себе противоположное; впрочем, никому из возвещавших это я ничего такого не говорил.

2. Когда, наконец, я вступил в Кесарию, убитый, изможденный, находясь в самой высшей степени развития пламени лихорадки, грустя, страдая до крайности, я добрел до гостиницы, лежащей на самом краю города, и старался найти врачей и погасить ту печь: это была самая высшая ступень развития трехдневной лихорадки. Сюда присоединялось еще утомление от дороги, усталость, разбитость, отсутствие тех, кто услуживал бы, недостаток необходимых вещей, то, что у нас не было никакого врача, что мы были измучены напряжением, жаром и бодрствованиями, так что я вошел в город почти что мертвецом. Тогда-то явились весь клир, народ, монашествующие, монахини, врачи, от которых я пользовался большим попечением, так как все во всем нам услуживали и помогали. Однако и при таких обстоятельствах, теснимый сильным пламенем (лихорадки), я был в крайней опасности. Наконец, мало-помалу болезнь начала прекращаться и стихать. Фаретрия же не было нигде; он ожидал нашего отшествия, хотя почему у него так было решено, не знаю. Итак, когда я увидел, что беда незаметно прекратилась, я стал наконец подумывать о путешествии, чтобы достигнуть Кукуза и немного отдохнуть от бедствий пути. Когда у нас обстояло так дело, вдруг сообщают, что бесчисленное множество исаврян сделало набег на Кесарийскую страну, что они зажгли какое-то большое село и причинили крайние бедствия. Услышав это, трибун взял имевшихся у него воинов и пошел, потому что боялись, чтобы те не напали и на город, и все были в страхе, все в тревоге, жертвуя ради опасности самым основанием отечества, так что даже сами старцы занимались охраною стен. Когда дела были в таком положении, вдруг около рассвета отряд монахов (так надо сказать и выразить этим именем их бешенство) напал на дом, где мы были, грозя спалить его, поджечь, причинить нам крайнее бедствие, если мы не уйдем. И ни страх перед исаврянами, ни болезнь, так сильно теснившая нас, ни что другое не сделало их более снисходительными; они наступали, дыша такой яростью, что и сами преторианские воины испугались их.

Действительно, они и им грозили ударами и хвастались, что они уже постыдно избили многих преторианских воинов. Преторианцы, услышав это, прибежали к нам и молили и просили: «Освободи нас от этих зверей, пусть даже попадемся в руки исаврян».

Городской префект, услышав об этом, прибежал к нашему дому, желая помочь нам. Монахи не послушались и его увещаний, но и сам он оказался бессилен перед ними. Видя, что дело в весьма затруднительном положении, и не дерзая ни посоветовать нам уйти на явную гибель, ни опять оставаться в городе, вследствие такого их неистовства, он послал к Фаретрию, прося уступить нам немного дней, как ввиду нашей болезни, так и ввиду грозящей опасности. Но и при таких обстоятельствах не было никакого успеха; напротив, и на следующий день они явились еще неистовее, и никто из пресвитеров не осмеливался заступиться и помочь нам, но, стыдясь и краснея (потому что это, говорили они, происходило по приказанию Фаретрия), скрывались, прятались, и не внимали, когда мы их звали.

Зачем много говорить? Несмотря на то, что грозили такие ужасы, несмотря на то, что почти очевидна была смерть и меня убивала лихорадка (потому что мы еще не избавились от происходящих отсюда бедствий), в самый полдень, бросившись в носилки, я был вывезен оттуда при рыданиях, воплях, проклятиях сделавшему это от всего народа, при общих сожалениях и плаче. А когда я вышел из города, то и некоторые из клириков незаметно вышли и с сетованиями провожали нас.

И в то время, когда мы слышали, как некоторые говорили: «Куда вы отводите его на явную смерть?», другой из числа любивших нас говорил нам: «Удались, прошу тебя; попадись исаврянам, только избавься от нас; кому бы ты ни попался, ты попадешь в безопасное положение, если избежишь наших рук». Когда услышала и увидела это прекрасная Селевкия, благородная жена моего господина Руфина (она весьма о нас позаботилась), то увеще-

вала и просила, чтобы я заехал в ее загородный дом, находящийся на расстоянии пяти миль от города, и вместе с нами послала людей, и мы удалились туда.

3. Но и там это злоумышление не думало отстать от нас. Когда Фаретрий узнал, то, как она говорила, высказал ей много угроз. Когда же она гостеприимно приняла меня в свой загородный дом, я ничего этого не знал; выйдя к нам, она скрывала это от нас, управляющему же, находящемуся там, объявила, чтобы он доставил нам всякий покой, и, если бы напали на нас монашествующие, желая оскорбить нас или побить, собрал бы земледельцев из остальных ее поместий и таким образом приготовился к бою против них. Приглашала она укрыться и в ее жилище, имеющем крепость и неприступном, чтобы мне избежать рук епископа и монахов. Но я не согласился, а остался в загородном доме, не зная ничего, что за тем готовилось.

И этого для них было недостаточно, чтобы оставить свое бешенство против нас. Потом в полночь, когда я ничего этого не знал (а Фаретрий, как она говорит, сильно грозил ей, принуждая и заставляя ее изгнать нас и из загородного дома), эта женщина, не вынося его докучливости, хотя я не знал об этом, объявила, что напали варвары, – так она стыдилась сказать о принуждении, которое потерпела. И войдя ко мне в полночь, пресвитер Евифий разбудил меня спавшего, и громким голосом сказал: «Встань, прошу тебя, варвары напали, они здесь близко». Вообрази, какой я был, слушая это. Потом, когда я сказал ему: «Что же следует делать? Убежать в город мы не можем, чтобы не потерпеть более тяжкого, чем то, что сделали бы нам исавряне», – и начал принуждать нас уходить.

Ночь была безлунная, самая полночь, мрачная, темная; и это опять ставило нас в беспомощное положение; никого не было возле, никто не помогал, потому что все нас покинули. Тем не менее, побуждаемый страхом и ожидая тотчас смерти, я, исстрадавшийся, встал, приказав зажечь факелы. Но пресвитер приказал потушить и их, чтобы, как говорил он, варвары, привлекаемые к нам светом, как-нибудь не напали на нас. Были потушены и факелы. Потом мул, несший наши носилки (потому что путь был очень неровный, крутой и каменистый), упав на колена, повалил меня, находившегося внутри носилок, и еще немного – и я должен бы погибнуть; затем, вскочивши на ноги, я побрел, поддерживаемый пресвитером Евифием (он и сам упал с подъяремного животного), и таким образом шел, ведомый за руку, лучше же – тащимый, потому что по такой неудобной местности и недоступным горам идти в полночь было нельзя. Представь, что пришлось терпеть мне, теснимому такими бедствиями, да еще в приступе лихорадки, мне, который не знал ничего из того, что было подстроено, а боялся варваров, дрожал и ожидал попасть в их руки. Не кажется ли тебе, что одни только эти страдания, даже если бы со мной не случилось ничего другого, в состоянии разрешить многие из наших прегрешений и доставить мне большой повод к славе? Причина же этих страданий, как я думаю, та, что тотчас, как только вошел я в Кесарию, все знатные люди, бывшие викарии, президы, софисты, трибуны[7], весь народ ежедневно смотрели меня, услуживали, хранили как зеницу ока; это, думаю, раздражило Фаретрия; равно и зависть, выгнавшая нас из Константинополя, и здесь не отстала от нас, как мне думается; этого я не утверждаю, а предполагаю. Кто мог бы рассказать об остальном, бывшем с нами на пути, об ужасах, опасностях?

Ежедневно вспоминая об этом и всегда нося это в мысли, я восхищаюсь от радости и ликую, как имеющий великое сберегаемое сокровище: так я чувствую себя. Ввиду этого прошу и твою честность радоваться, веселиться, ликовать, прославлять Бога, удостоившего нас потерпеть такие бедствия. Прошу иметь это при себе и никому не говорить, хотя и весьма

[7] *Οί από βιχαρίων* – бывшие прежде викариями, правителями диоцезов (первый чин после префекта); *οί από ηγεμόνων* (ex praesidibus) – бывшие президами, начальниками провинций; *οί από τριβούνων* – бывшие начальниками над трибами.

естественно, что воины префекта могут наполнить весь город рассказами об этом, так как и сами они подверглись крайним опасностям.

4. Тем не менее от твоего благочестия пусть никто не узнает этого, напротив, ты и говорящих останавливай. А если ты скорбишь по причине остатков зла, то знай ясно, что я совершенно освободился от всего и у меня теперь тело крепче, чем когда жил там. А холода что ты боишься? У нас и жилища устроены удобные, и господин мой Диоскор делает и предпринимает все, чтобы мы не заметили холода даже и в малой степени. Если можно судить по началу, то настоящий климат мне кажется восточным, и нисколько не хуже климата Антиохии. Такая же теплота, такая же благорастворенность воздуха. Ты весьма опечалила меня, сказавши, что, может быть, ты печалишься и из-за нас, как бывших нерадивыми. Однако я за много дней перед этим послал твоей честности письмо, прося не двигать меня отсюда.

Я же мог сообразить, что тебе потребуется сильная защитительная речь и много трудов и усилия, чтобы смочь оправдаться в таких словах. Отчасти, пожалуй, ты и оправдалась, сказавши: «Я об этом только думаю, чтобы увеличить свою скорбь». Но и это, то есть говорить, (что) я стремлюсь размышлениями к скорбям, я опять считаю величайшим преступлением, потому что, когда тебе надо делать и предпринимать все для уничтожения горя, ты творишь волю диавола, умножая уныние и печаль. Или ты не знаешь, сколь великое зло уныние?

Наконец, нисколько не бойся за исаврян, потому что они отступили в свою страну, и начальник провинции сделал все ради этого, и мы, будучи здесь, гораздо более находимся в безопасности, чем когда были в Кесарии. В конце концов, я никого так не боюсь, как епископов, исключая немногих. Итак, за исаврян отнюдь ничего не бойся, потому что они удалились, и с наступлением зимы сидят дома, и выйдут разве только уж после Пятидесятницы.

Как же ты говоришь, что не получаешь писем? Я уже послал тебе три длинных письма, одно через воинов префекта, другое через Антония, а третье через Анатолия, твоего слугу; в особенности два из них, наподобие спасительного лекарства, способны утешить всякого унывающего, всякого соблазняющегося, и привести к полной радости. Поэтому, взявши их, прочитывай непрерывно и постоянно, и ты увидишь их силу, вполне испытаешь лекарство и получишь помощь, и нас известишь, что произошла для тебя от них некоторая польза. У меня готово и третье подобное им письмо, которого я не пожелал послать теперь, очень опечалившись тем, что ты говоришь: «я собираю для себя горестные размышления и вымышляю то, чего нет», – произнося слова недостойные тебя самой, за которые и сам я стыжусь и закрываю свое лицо. Впрочем, прочитай те письма, и ты больше не будешь говорить этого, хотя бы без конца домогалась уныния.

Так как ты писала нам и относительно епископа Ираклида, то, если он пожелает, ему должно выразить протест, и таким образом избавиться от всех неприятностей, потому что ничего другого не остается. Я же, хотя и не достигал ничего великого, тем не менее уговорил мою госпожу Пентадию, чтобы она проявила всякое старание – не придумает ли для него какого-нибудь утешения в несчастии. А ты говорила, что осмелилась известить меня об этих бедствиях вследствие приказания со стороны Ираклида. Какая это смелость!

Итак, я не перестал говорить и не перестану, что печально одно только – грех, все же остальное – пыль и дым. Что, в самом деле, тяжкого – обитать в темнице и иметь на себе узы? Почему тяжело терпеть несчастья, когда терпение бедствий делается основанием столь великой награды? А чем тяжело изгнание? Чем тяжело лишение имущества? Слова эти не заключают ничего ужасного на самом деле, это пустые слова, сказанные под влиянием печали! В самом деле, если ты укажешь на смерть, то скажешь о долге природы, который непременно надо потерпеть, хотя бы и никто не причинял; если укажешь на изгнание, не скажешь ни о чем другом, как о том лишь, что изгоняемый видит (новую) страну и много

городов; если укажешь на лишение имущества, то скажешь о свободе и разрешении от налагаемых им уз.

5. Не перестань, насколько от тебя зависит, услуживать епископу Маруфе[8], чтобы он поднялся из пропасти, потому что я в нем в особенности нуждаюсь в виду положения дел в Персии. Узнай от него, если для тебя будет возможно, как о том, что хорошего совершено там его трудами, так и о том, из-за чего он явился здесь, и извести нас, отдала ли ты два письма, которые я послал ему. Если он пожелает нам послать письмо, то и мы ему напишем, а если не пожелает, то пусть он хоть разъяснит твоей богобоязненности, была ли какая-либо польза там, и надеется ли он действовать с успехом по своем возвращении. По этой причине я ведь и старался с ним сблизиться. Тем не менее, все, что от тебя зависит, пусть будет сделано, и хотя бы все полетели вниз головой, ты исполняй свой долг. Награда твоя будет совершенна. Итак, всячески и насколько возможно расположи его к себе. Не пренебреги, прошу тебя, тем, что я намереваюсь говорить, но покажи об этом большое старание.

Дали мне знать монахи – марсы и готы, у которых постоянно скрывался епископ Серапион, что пришел диакон Модуарий с известием, что тот достойный удивления епископ Унила, которого я недавно хиротонисал и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер; и пришел этот диакон с письмами царя готов, в которых он просил послать к ним епископа. Так как ввиду грозящей нам катастрофы я не вижу никакого другого средства устроить это дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь отплыть ни в Босфор, ни в другие стороны), то постарайся пока задержать их по причине зимы; но не пробеги мимо этого с небрежностью, потому что это дело весьма важное.

Есть два обстоятельства, которые в особенности печалят меня, если они случатся, – чего да не будет! – во-первых, что епископ будет поставлен теми, которые совершили столько зол, и которыми быть поставляемым дело незаконное, во-вторых, что может быть избран кто-нибудь неосмотрительно. Что они не стараются о том, чтобы избрать благородного человека, ты знаешь и сама. Если же это случится, чего да не будет, то ты знаешь и сама, что затем последует. Итак, чтобы не случилось ничего этого, приложи всякое старание. А если бы можно было без шума и тайно убежать к нам Модуарию, то этим было бы достигнуто очень многое. Если же нельзя, то пусть будет, как велят обстоятельства. Как та, бросивши два обола, превзошла всех, бросивших больше, потому что она этим истощила все свое имение (Лк. 21, 2–4), так и те, кто со всею силой стараются относительно дел, исполнили все, что им подобает, хотя бы не было никакой пользы (от их стараний) и имеют совершенную награду.

Много благодарю епископа Илария за то, что он написал мне, прося позволить ему удалиться в свой город и привести в порядок тамошние дела, и опять явиться к нам. Так как присутствие его весьма полезно (потому что он и богобоязнен, и муж постоянный, и ревностный), то я просил его, чтобы он, удалившись, скоро возвратился. Поэтому постарайся, чтобы письмо было отдано ему скоро и в сохранности и не было оставлено в пренебрежении, потому что он с большой страстью и пылом просил наших писем, да и присутствие его весьма полезно. Итак, всячески позаботься о письмах: если там нет пресвитера Елладия, то постарайся, чтобы оно было отдано друзьям через какого-нибудь человека рассудительного и с умом.

---

[8] Епископ Мартиропольский.

Письмо пятнадцатое

Святитель увещевает Олимпиаду не страшиться гонений и извещает ее, что он еще не совсем выздоровел.

Ты ли ожидала, с юности показавшая такое любомудрие и поправшая человеческую гордость, что будешь жить невозмутимой и мирной жизнью? И как это возможно? В самом деле, если люди, противоборствуя людям, получают бесчисленные раны и в состязаниях, и на войнах, то ты, которая приступила к самим началам и властям, к миродержителям тьмы века сего, к духам злобы (Еф. 6,12), и приступила так мужественно, ты, которая поставила такие трофеи и причинила столько печалей тому свирепому и проклятому демону, как ты могла надеяться, что будешь жить тихой спокойной жизнью!

Итак, не следует тревожиться из-за того, что много повсюду войн и смятений и много тревог, а напротив, нужно было бы дивиться тогда, если бы ничего этого не случилось. С добродетелью соединен труд и опасность.

Это ты знаешь и сама прежде наших писем, и нисколько не будешь иметь нужды учиться от других, да и мы пишем это, уча не незнающую. Мы знаем, ведь, что тебя не сможет смутить ни изгнание из отечества, ни потеря имущества (а это для многих невыносимо), ни оскорбление, ни иное какое-либо подобного рода горе. В самом деле, если сообщники терпящих эти бедствия делаются достойными соревнования, то гораздо больше те, кто в них находится. Вот почему Павел за то и другое хвалит уверовавших из евреев, говоря: *Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]* (Евр. 10, 32–33).

Поэтому и мы не пишем длинного письма. К победителю, поставившему блестящий трофей, никто ведь не является для помощи, но только для похвал. Так точно и мы, зная, какое великое любомудрие показала ты относительно случившегося с тобой, ублажаем тебя, удивляемся твоему терпению в настоящее время и тем воздаяниям, которые тебе за это назначены. А так как я хорошо знаю, что ты желаешь узнать и о наших делах (потому что я долго молчал), то скажу тебе, что хотя от тяжкого недуга мы освободились, но остатки болезни еще носим (доселе). Мы пользуемся весьма хорошими врачами, но недостаток необходимых вещей разрушает происходящую от лечения пользу. Действительно, здесь не только скудость лекарств и прочего, что может поправить утомленное тело, но еще и голод, и зараза составляют предмет заботы. Наконец, эти бедствия увеличивают еще непрерывные разбойнические нападения, которые простираются до самых дальних путей, заграждают и отрезывают все дороги, причиняя отсюда и путникам большую опасность. Действительно, Андроник, как он говорит, попался в самые руки разбойников и спасся от них, будучи ограблен.

Поэтому прошу твою благопристойность никого уже сюда не посылать, потому что надо опасаться, чтобы предлог путешествия к нам не сделался для приходящего сюда причиной убиения, а ты знаешь, какую принесет это нам скорбь. Но если ты нападешь на какого-нибудь заслуживающего доверия человека, который пойдет сюда по другой нужде, то через него извещай нас о твоем здоровье. Нарочно же для этого, равно как ради наших нужд, пусть никто не приходит сюда ввиду страха, о котором мы сказали.

Письмо шестнадцатое

Рассуждение о том, что Бог посылает благочестивым людям и радости и страдания.

И то, и другое – дело неизреченного человеколюбия Бога – как то, что Он попускает навести на тебя столь великие и до такой степени непрерывные искушения, чтоб блистательнее были для тебя венцы, так и то, что Он делает весьма скорое освобождение от них, чтоб ты, с другой стороны, не мучилась продолжительностью причиняемых бедствий. Так точно Бог управлял жизнью и тех благородных мужей, разумею апостолов и пророков, то позволяя волнам возбуждаться, то запрещая морю зол и после тягостной бури производя приятную тишину. Поэтому перестань плакать и мучить себя печалью и не смотри только на причиняемые непрерывные и частые несчастья, а смотри и на весьма быстрое освобождение от них, и на рождающуюся для тебя отсюда неизреченную награду и воздаяние.

Все нанесенные тебе несчастья сравнительно с теми наградами, которые за них должны быть даны тебе, не что иное, как паутина, тень и дым, или и того еще ничтожнее. Что, в самом деле, значит быть изгнанным из города и менять места за местами, быть отовсюду гонимым, терпеть лишение имущества, быть влачимым по судилищам, подвергаться терзаниям со стороны воинов, терпеть страдания от получивших бесчисленные благодеяния, и быть оскорбляемым и от слуг, и от свободных, – что это значит, когда наградой за это будет небо и те чистые блага, которых нельзя и выразить словом, которые не имеют конца, но доставляют собою вечное наслаждение? Итак, перестав размышлять о кознях, оскорблениях, лишении имуществ, постоянных переселениях, провождении жизни в чужой земле, и попирая это легче всякой грязи, думай о тех сокровищах, которые собраны тебе за это на небесах, о прибыли неиждиваемой и богатстве неприкосновенном.

Но тело твое вследствие этих трудов и бедствий приведено в плохое состояние, и козни врагов причинили болезнь? Опять указываешь мне основание для другой награды, великой и неизреченной. Ты знаешь, знаешь ясно, что значит – благородно и с благодарностью перенести болезнь тела. Это, о чем я часто говорил, увенчало Лазаря, это опозорило диавола при состязаниях, какие вел Иов, и явило борца, благодаря такому терпению, более славным. Это прославило его больше и любви к бедным, и презрения имущества, и той внезапной потери детей, и бесчисленных напастей, и совершенно заградило бесстыдные уста того злого демона. Итак, и сама непрестанно размышляя об этом, радуйся и веселись, доведя до конца величайший подвиг и кротко перенося главное из испытаний, прославляя за это человеколюбивого Бога, Который хотя и может все сразу уничтожить, но попустил этому быть, чтобы эта прекрасная прибыль была для тебя более блестящею.

Потому и мы не перестаем ублажать тебя. Мы обрадовались, что ты, освободившись от тяжб и хлопот, как тебе подобало, положила делу конец и порешила его, – ни малодушно не отвергая их (тяжб и хлопот), ни упорно не настаивая на них, и не втянувши себя в суды и проистекающие от них бедствия, а прошла средним путем, получив приличную тебе свободу и во всем показав большое благоразумие, доказав и долготерпение, и твердость, и стойкость, и способность твоего благоразумия не поддаваться обману.

Письмо семнадцатое

Святитель хвалит Олимпиаду за ее мужество и самоотречение.

Ничего странного и неестественного не случилось с твоим благочестием, – напротив, вполне естественно и так и следовало быть, что силы души стали у тебя крепче вследствие непрерывно следующих друг за другом испытаний, и ты приобрела больше рвения и силы к состязаниям, а отсюда и большое удовольствие. Такова уж природа страдания: когда оно нападает на душу благородную и полную силы, оно обыкновенно производит это. И подобно тому, как огонь делает золото более чистым, когда соединится с ним, так и страдание, нападая на золотые души, делает их более чистыми и испытанными. Потому и Павел говорил: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность* (Рим. 5, 3–4).

Поэтому и мы ликуем и радуемся, и от такого твоего мужества получаем величайшее утешение в этом одиночестве. Поэтому, хотя бы окружили тебя бесчисленные волки и многие толпы злобствующих, мы нисколько не боимся, но молимся, чтобы исчезли и настоящие испытания, и другие не приключились, исполняя Господень закон, повелевающий молиться о том, чтобы не войти в искушение (Мф. 26, 41); если же попущено будет им снова случиться, то мы спокойны за твою золотую душу, которая собирает себе и отсюда величайшее богатство.

Чем, в самом деле, будут в состоянии испугать тебя те, кто отваживается на все на свою же голову? Убытком имущества? Но я хорошо знаю, что это для тебя пепел и считается ничтожнее всякой грязи. Изгнанием из отечества и дома? Но ты умеешь и в больших и многолюдных городах жить, как бы в пустынях, все время будучи предана тишине и спокойствию и поправши житейскую мишуру. Они угрожают смертью? Но, ты и в этом предупредила их, так как в продолжение всего времени заботилась об этом, и если они повлекут тебя на убиение, то повлекут на него мертвое тело.

Зачем нужно много говорить? Никто не будет в состоянии сделать тебе ничего такого, чего бы он не нашел давно уже в совершенстве перенесенным тобою, потому что во всем этом ты наупражнялась, всегда идя тесным и узким путем. Научившись в таких упражнениях этому прекраснейшему знанию, ты явилась блистательнее теперь во время состязаний, не только нисколько не смущаясь случающимся, но и окрыляясь радостью, ликуя и торжествуя. К чему приучилась ты путем упражнения, состязаниями в том и занимаешься ты теперь с большой легкостью, в женском теле, более слабом, чем паутина, с большим смехом попирая бешенство мужей, полных сил и точащих на тебя зубы, и будучи готова претерпеть больше, чем они готовят.

Блаженна ты и трижды блаженна ради проистекающих отсюда венцов, а вернее, и ради самых состязаний. А такова природа этих состязаний, что они и прежде наград, на самых местах, для них назначенных, имеют и вознаграждения, и воздаяния, удовольствие, которым ты теперь наслаждаешься, радость, мужество, твердость, терпение, равно как и то, что ты непреодолима, непокорима, выше всего, что ты так обучила себя упражнениями, что не можешь потерпеть ни от кого ничего ужасного, что ты в такие бури стоишь на скале, и в бушующем море носишься при попутном ветре с полным спокойствием. Таковы награды за мучение в здешней жизни и прежде Царства Небесного.

Я знаю, да, знаю, что теперь ты, окрыляемая радостью, даже не думаешь, что облечена телом, но если потребует время, совлечешь его с себя легче, чем другие одежды, в которые они одеты. Итак, радуйся и веселись и за себя, и за тех, которые умерли блаженной смертью, не на ложе и не в доме, а в темницах, узах и муках. Скорби же и проливай слезы только за тех, кто делает это, потому что и это достойно твоего любомудрия.

А так как ты желаешь знать и о здоровье нашего тела, то (знай, что) мы освободились от недуга, который раньше несколько беспокоил нас, и теперь чувствуем себя легче, если только наступившая зима опять не причинит вреда нашему слабому желудку. Относительно исаврян мы находимся в полной безопасности.